

355986.

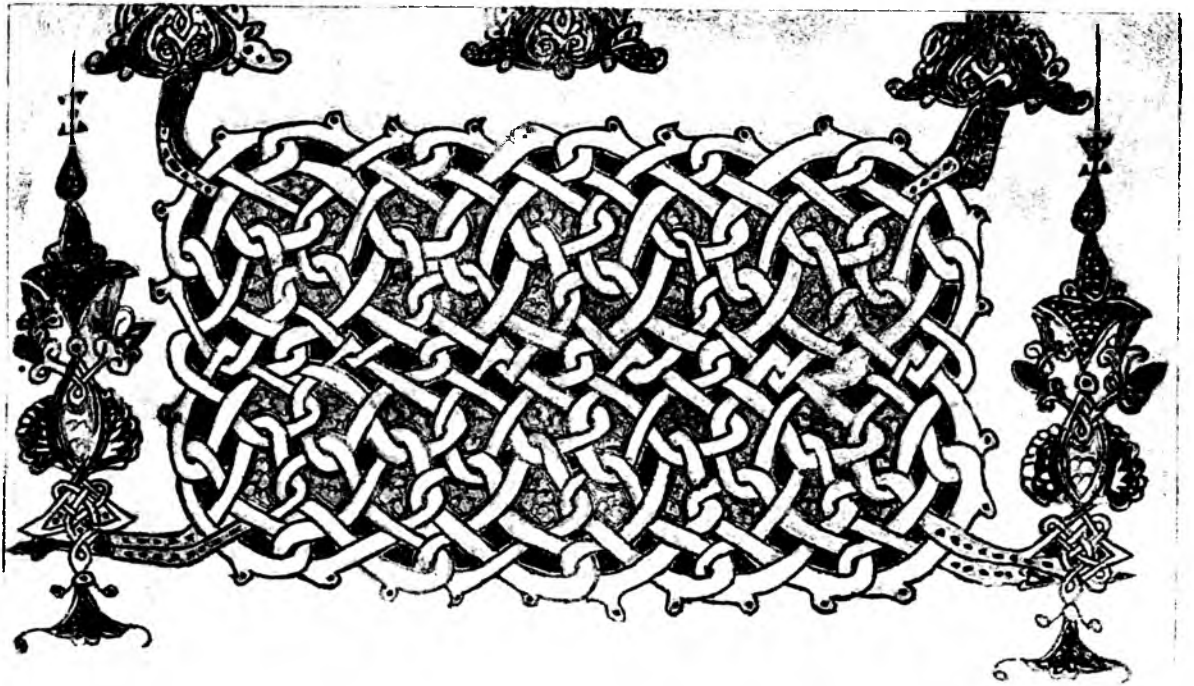
ТРИ ВѢКА.

Россіа
отъ смуты
до нашего
времени.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
В. В. КАЛЛАША

Издание Т-ва И. Д. Сытина.

—== Земскіе соборы. ==—

I.

Земскіе соборы возникли въ XVI вѣкѣ; XVII вѣку принадлежитъ ихъ расцвѣтъ, и онъ же видѣлъ ихъ паденіе. Последовательная смѣна этихъ состояній, обозначая собой завершеніиіи циклъ явленій въ жизни соборовъ, предрасполагаетъ видѣть въ ихъ исторіи процессъ эволюціи, пережитый учрежденіемъ опредѣленнаго типа. На вопросъ, что такое земскіе соборы, привыкли слышать или думать про себя, что это — форма древнерусскаго представительства, видоизмѣненія которой, устанавливаемая историческимъ наблюденіемъ, выражаютъ собой различныя стадіи развитія представительнаго начала.

Въ дѣйствительности вопросъ сложенъ. Конечно, по общему своему значенію земскій соборъ стоитъ, въ ряду государственныхъ установленій, всего ближе къ представительнымъ учрежденіямъ, какъ они сложились на западѣ; но своеобразный ходъ русской исторіи сказанъ и здѣсь, направивъ развитіе представительнаго начала совсѣмъ особыми путями. Строго говоря, это не былъ процессъ эволюціи, гдѣ послѣдующее состояніе приходитъ на смѣну предыдущему. За время своего историческаго существованія земскіе соборы не испытывали перемѣны и въ своемъ строеніи и въ характерѣ своей дѣятель-

ности; но первоначальная организація оставалась при этомъ неизмѣнной, и перемѣны по существу состояли только въ томъ, что она осложнялась новыми элементами, которые несли съ собой и новыя функціи. Такимъ образомъ, въ примѣненіи къ земскимъ соборамъ, можетъ-быть, правильнѣе говорить не столько о различныхъ стадіяхъ развитія представительства, сколько о различныхъ его типахъ, совмѣщавшихся въ одномъ учрежденіи.

Свой полный видъ земскій соборъ получилъ въ XVII вѣкѣ, и въ это время въ его конструкціи отчетливо выступаютъ два элемента съ самостоятельнымъ характеромъ: въ одномъ изъ нихъ легко узнать учрежденіе, дѣйствовавшее уже въ XVI вѣкѣ подъ названіемъ „собора“, а другой появляется рядомъ съ первымъ въ смутную эпоху, на рубежѣ XVI и XVII вв., какъ часть того цѣлаго, которое называлось тогда „совѣтомъ всея земли“. Относясь по времени возникновенія къ различнымъ моментамъ исторической жизни русскаго общества, оба элемента въ своемъ назначеніи и въ своемъ составѣ отражаютъ различныя условія, ихъ вызвавшія, и въ исторіи соборнаго представительства обнаруживаются двумя какъ бы параллельными рядами явленій, сходящимися лишь въ послѣднемъ моментѣ. Этимъ опредѣляется порядокъ дальнѣйшаго изложенія: такъ какъ тотъ и другой изъ составныхъ элементовъ собора въ общей жизни учрежденія имѣлъ свое особое значеніе, соотвѣтствовавшее его соціально-политической природѣ, то характеристика каждаго въ отдѣльности должна предшествовать изображенію исторической судьбы цѣлаго.

II.

Соборная организація, выработавшаяся въ XVI вѣкѣ и долго остававшаяся неизмѣнной въ XVII в., конечно, съ наибольшей отчетливостью рисуется въ документахъ XVI вѣка, гдѣ не заслоняется элементами иного порядка. Болѣе того, мы только и можемъ распознать и выдѣлить ее въ сложной конструкціи собора XVII вѣка, предварительно установивши ея отличительныя черты по извѣстіямъ предыдущаго періода. Можно назвать два собора XVI вѣка, мимо которыхъ, по этой причинѣ, не можетъ пройти историкъ, желающій уяснить смыслъ явленій, которыя наблюдаются въ жизни соборнаго представительства за XVII вѣкѣ, это—соборы 1566 и 1598 гг.

Для пониманія представительнаго учрежденія важно знать, изъ какого источника его члены получаютъ свои полномочія и каковъ его политическій авторитетъ. Однако въ документахъ, относящихся къ соборамъ, мы не найдемъ прямыхъ опредѣленій ни по тому, ни по другому вопросу: данныя, которыя въ нихъ содержатся, могутъ привести къ отвѣту лишь косвеннымъ образомъ, въ качествѣ отправныхъ пунктовъ при довольно сложныхъ изысканіяхъ. Это въ полной мѣрѣ должно быть примѣнено и къ названнымъ соборамъ

XVI вѣка. Документы не говорятъ, составлялись ли эти соборы согласно общественному избранію или на основаніи какого-нибудь другого принципа; но въ актахъ соборныхъ находимъ перечни присутствовавшихъ на соборахъ лицъ, съ распредѣленіемъ ихъ по разнымъ категоріямъ, — это распредѣленіе по категоріямъ и можетъ дать изслѣдователю руководящую нить. Можно въ любомъ собраніи группировать людей очень различными способами, и каждый разъ та или иная группировка покажетъ, какому свойству или какимъ чертамъ составляющихъ собраніе лицъ придавалось въ данномъ случаѣ значеніе, другими словами: обнаружить тотъ общій принципъ, по отношенію къ которому устанавливаемыя группы являются различными способами его выраженія. Точно такъ же и группировка членовъ собора въ актахъ, отбѣняя опредѣленную сторону въ ихъ общественномъ положеніи, тѣмъ самымъ намѣчаетъ принципъ, которымъ обуславливался ихъ подборъ, а отчасти и значеніе, которое за ними признавалось. Полученные такимъ путемъ выводы могутъ быть провѣрены (частію же и внушаются) указаніями тѣхъ же актовъ на обстоятельства, при какихъ происходилъ созывъ соборовъ.

Соборъ 1566 г. созванъ былъ Иваномъ Грознымъ по вопросу о перемиріи съ Польшей. Члены собора обсуждали вопросъ, „межи собою говорили“, разбившись на группы, и по группамъ же подавали свои мнѣнія. Въ соборномъ актѣ отдѣльно изложены мнѣнія: 1) духовенства, 2) бояръ и окольничихъ, 3) „дворянъ первая статья“, 4) дворянъ и дѣтей боярскихъ „другіе статьи“, 5) Торонецкихъ помѣщиковъ, 6) Луцкихъ помѣщиковъ, 7) дьяковъ и приказныхъ людей, 8) гостей, купцовъ и Смольнянъ. У всѣхъ группъ отвѣтъ по смыслу одинаковъ, но мотивировка его у каждой своя, и потому надо думать, что эта классификація не была только дѣломъ редактировавшаго соборный актъ дьяка, а имѣла подъ собою реальную почву въ опредѣленныхъ комбинаціяхъ общественныхъ элементовъ. Какимъ путемъ сложились эти комбинаціи и что онѣ обозначаютъ? Совершенно ясно, что выражающіяся въ нихъ различія между членами соборовъ не могутъ быть сведены къ различіямъ сословнымъ: съ чисто сословной точки зрѣнія 3-я, 4-я, 5-я и 6-я группы сливаются въ одну, а 7-я и совсѣмъ не должна бы найти себѣ мѣста въ классификаціи, построенной на сословномъ принципѣ. Такимъ образомъ, судя по характеру группировки членовъ собора въ актѣ 1566 г., мы, прежде всего, можемъ сказать, какое значеніе нельзя придавать земскому собору: онъ не былъ сословнымъ представительствомъ, во всякомъ случаѣ — не потребность въ представительствѣ сословныхъ интересовъ вызвала его къ жизни. Еще менѣе, конечно, группировка соборнаго акта даетъ основаній видѣть въ земскомъ соборѣ органъ общесословнаго представительства: въ качествѣ общесословныхъ представителей члены собора должны были бы распредѣлиться по мѣстностямъ, и, въ то же время, было бы совсѣмъ неумѣстно то подраздѣленіе ихъ, какое видимъ въ соборномъ перечнѣ. Этотъ выводъ за-

ключаетъ въ себѣ указаніе, пока также только отрицательное, и на способъ подбора соборнаго состава, дѣлая предположеніе, что члены собора получали свои полномочія путемъ общественнаго избранія, почти парадоксомъ, поскольку общественное избраніе имѣетъ свое оправданіе только въ представительствѣ общественныхъ интересовъ. Съ другой стороны, и внѣшнія условія, при какихъ былъ созванъ соборъ 1566 года, исключаютъ возможность того, чтобы при опредѣленіи его состава примѣнено было выборное начало. Присланные польскимъ королемъ для переговоровъ послы прибыли въ Москву 30 мая; предварительные переговоры съ ними происходили въ промежутокъ времени между 17—25 іюня, а соборъ состоялся 28 іюня. Такъ какъ рѣшеніе обратиться къ собору могло быть принято только по ознакомленіи съ польскими предложеніями, то на созывъ его приходится, очевидно, такой короткій срокъ, въ теченіе котораго нельзя произвести выборовъ при самыхъ лучшихъ условіяхъ. Надо допустить, что соборъ составилъ, за незначительными исключеніями, изъ лицъ, находившихся въ тотъ моментъ въ Москвѣ.

Отвѣты, полученные до сихъ поръ, имѣютъ отрицательный характеръ; но классификація соборнаго перечня указываетъ и положительнымъ образомъ то направленіе, въ какомъ надо искать рѣшенія вопроса. Некоторые группы въ составѣ собора обнаруживаютъ несомнѣнное офиціальное происхожденіе. Ясно, съ какимъ значеніемъ присутствовали на соборѣ архіепископы и епископы, архимандриты и игумены, бояре и окольничіе, дьяки и приказные люди: все это лица, дѣйствовавшія въ разныхъ областяхъ управленія на разныхъ ступеняхъ административной лѣстницы. Удерживая и на соборѣ ту группировку, въ какой распредѣлялись они по разнымъ центральнымъ учрежденіямъ (власти и Освященный соборъ, Боярская дума и приказы), они тѣмъ самымъ явно выдаютъ, что источникомъ ихъ полномочій, какъ членовъ собора, было ихъ служебное положеніе. Всѣ эти люди явились на соборъ, какъ должностныя лица, и, конечно, не по общественному избранію, а по призыву власти. Но со стороны правительства было бы, очевидно, только послѣдовательнымъ, еслибы на томъ же основаніи призывались имъ и остальные члены собора.

Легче всего такое предположеніе оправдывается въ примѣненіи къ послѣдней группѣ соборнаго списка, въ которую входятъ гости, купцы и Смоленяне. По догадкѣ В. О. Ключевского, купцы и Смоленяне соответствуютъ позднѣйшимъ гостинной и суконной сотнямъ; если это вѣрно, то здѣсь мы имѣемъ передъ собой московскій торгово-промышленный классъ въ его историческихъ подраздѣленіяхъ. Эти подраздѣленія и даютъ понятъ, какимъ образомъ торговые люди могли оказаться на соборѣ рядомъ съ должностными чинами. Въ Московскомъ государствѣ столичные капиталисты играли свою роль въ общей администраціи страны, являясь невольными агентами правительства по сбору пошлинъ, и самыя группы, на которыя

распадался торгово-промышленный класс, обуславливались в половине XVII вѣка, можетъ-быть, не столько бытовыми различіями, сколько особенностями возлагавшихся на ихъ членовъ правительственныхъ порученій въ сферѣ финансовой администраціи. Обязанностямъ отдѣльныхъ группъ соответствовали и особыя права. Такимъ образомъ, каждая группа являлась своего рода государственнымъ состояніемъ или, какъ говорили тогда, чиномъ, при чемъ на общественной лѣстницѣ эти чины располагались въ извѣстной градаціи, и принадлежность лица къ тому или другому изъ нихъ опредѣлялась степенью его годности къ государственной службѣ. Съ этой точки зрѣнія торгово-промышленная группа въ цѣломъ можетъ быть съ полнымъ правомъ поставлена въ одинъ рядъ съ чисто официальными группами соборнаго списка, и потому надо допустить, что и для нея такъ же, какъ для тѣхъ, основаніемъ призыва на соборъ могло быть служебное значеніе. Всѣ лица торгово-промышленнаго класса подали на соборѣ общее мнѣніе и, судя по тому, совѣщались вмѣстѣ; но въ перечнѣ составитель соборнаго акта тѣмъ не менѣе удержалъ ихъ официальное подраздѣленіе, можетъ-быть, потому именно, что оно, отмѣчая служебную роль торговыхъ людей, объясняло ихъ появленіе на соборѣ.

Съ бѣльшимъ трудомъ поддаются объясненію остальные группы. Общественное значеніе всѣхъ ихъ одинаково: это дворянскія группы. Значитъ, надо опредѣлить тѣ различія въ средѣ самого служилаго дворянства, которыя обусловили собой группировку его представителей, выражая, очевидно, въ своей совокупности основаніе призыва ихъ на соборъ. Указанія на эти различія мы можемъ искать частью въ названіяхъ группъ, частью въ личномъ ихъ составѣ. Прежде всего, что означаютъ статьи, по которымъ дѣлились на соборѣ дворяне и дѣти боярскія? Въ документахъ этотъ терминъ всегда встрѣчается съ значеніемъ категорій, по которымъ производился надѣлъ помѣстьями, такъ что каждой категоріи соответствовало точно опредѣленное количество земли. Подобными категоріями пользовались только, какъ вспомогательными средствами, и потому самое число ихъ опредѣлялось всякій разъ въ связи съ различными соображеніями, колеблясь между 2 и 10 (даже больше). В. О. Ключевскій, исходя изъ наблюденія, что многіе дворяне соборнаго списка принадлежали къ тысячѣ отобранныхъ въ 1550 г. Грознымъ для пополненія столичнаго дворянства служилыхъ людей изъ провинціи, предполагалъ, что двѣ статьи соборнаго списка соответвуютъ двумъ первымъ статьямъ Тысячной книги, куда по статьямъ (3-мъ) записывались тысячники при надѣлѣ подмосковными помѣстьями. Отсюда слѣдовалъ выводъ, играющій существенную роль въ его теоріи соборнаго представительства, — что всѣ присутствовавшіе на соборѣ дворяне были столичными, при чемъ тѣ изъ нихъ, которые не значатся въ Тысячной книгѣ, зачислены были въ составъ столичнаго дворянства позднѣе. Такое толкованіе термина съ разныхъ сто-

ронъ встрѣчаетъ затрудненія. Прежде всего, статьямъ Тысячной книги оно придастъ несвойственное имъ значеніе, дѣлая ихъ устойчивыми соціальными подраздѣленіями. Послѣ 1550 г. тысяча перестаетъ упоминаться въ документахъ, и, надо думать, ея исторія окончилась съ первымъ же наборомъ, такъ какъ пополненіе столпчнаго дворянства происходило впослѣдствіи совсѣмъ не тѣмъ путемъ, какой устанавливался въ указѣ 1550 г., т.-е. безъ отношенія къ тысячѣ и ея статьямъ. Потому, вѣроятно, и соответствія между статьями Тысячной книги и соборнаго списка, строго говоря, нѣтъ: въ первую статью соборнаго списка вошли дворяне, отнесенные въ Тысячной книгѣ ко второй и третьей статьямъ, и въ то же время нѣтъ ни одного тысячника второй статьи, который бы попалъ во вторую же статью соборнаго списка: встрѣчающіеся въ послѣдней тысячники всѣ записаны въ Тысячной книгѣ по третьей статьѣ. Съ другой стороны, среди дворянъ, присутствовавшихъ на соборѣ, безъ сомнѣнія, были и провинціальныя, по преимуществу изъ „выбора“. какъ назывались въ XVI и XVII вв. провинціальныя служилые люди высшаго разряда, вызывавшіеся въ извѣстномъ порядкѣ въ Москву для различныхъ административныхъ порученій. Особенно значительное число ихъ, можно предполагать, было среди дворянъ второй статьи, изъ 99 представителей которой всего лишь 15 фамилій занесены въ Тысячную книгу; по крайней мѣрѣ, въ одномъ только спискѣ 1577 года 7 человекъ изъ этой статьи значатся среди „выбора“. ¹⁾ Это обстоятельство, подрывая предположеніе Ключевскаго, что на соборѣ присутствовали исключительно столичныя дворяне, въ свою очередь говоритъ противъ сближенія Тысячной книги и соборнаго списка. Къ болѣе надежнымъ заключеніямъ, кажется, ведетъ другой путь. При поверхностномъ ознакомленіи съ перечнями соборнаго акта выносишь впечатлѣніе, что подъ титуломъ „дворяне первая статья“ какъ бы собраны представители родовитыхъ фамилій, а подъ титуломъ „дворяне и дѣти боярскія другіе статьи“ — представители болѣе скромныхъ, частью и совсѣмъ неизвѣстныхъ дворянскихъ родовъ, и можно подумать, что основаніемъ классификаціи служило генеалогическое достоинство лица. Однако ближайшее изученіе дворянскихъ списковъ исправляетъ это впечатлѣніе, показывая, что генеалогическій принципъ при дѣленіи на статьи не былъ выдержанъ: въ первой статьѣ можно найти лицъ не только второстепенныхъ столичныхъ фамилій, но даже провинціальныя дворянъ „изъ выбора“ (напр., Муха Чихачевъ по списку 1577 г.), и въ то же время во второй статьѣ встрѣчаются лица титулованныя. Очевидно, въ распределеніи на статьи рядомъ съ генеалогическимъ дѣйствовалъ еще другой принципъ, и есть возможность опредѣлить, какой именно. Наблюденіе надъ служебной карьерой отдѣльныхъ лицъ изъ дворянскихъ группъ позволяетъ установить.

¹⁾ „Акты Московск. государства“, т. I, № 26.

КНИГА
О ИВРАНІИ НАПРЕВЫСОЧАЙ-
ШІИ ПРТОЛЪ, ВЕЛІКАГО РО-
ССІИСКА ЦРКІА, ВЕЛІКАГО
САРА ЦРА, И ВЕЛІКА КНІЗА
МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА,
ВСЕА ВЕЛИКА РОСІИ
САМОДЕРЖЦА

Заглавный листъ «Книги о избраніи на престолъ Михаила Феодоровича».

какъ фактъ, что дворяне первой статьи обыкновенно назначались намѣстниками и годовыми воеводами, тогда какъ дворяне второй статьи чаще всего бывали сотенными головами, иногда поддатными¹⁾, т.-е. тѣ и другіе занимали должности, одинаковыя по характеру, но различныя по важности. Только въ очень рѣдкихъ случаяхъ, въ концѣ уже своей служебной карьеры, дворянинъ второй статьи добивался воеводства, какъ иногда начиналъ головствомъ свою дворянинъ первой статьи. Въ общемъ между родовитостью и служебнымъ положеніемъ, безъ сомнѣнія, было соотвѣтствіе; но въ отдѣльныхъ случаяхъ неизбѣжны были отклоненія, въ силу которыхъ неродовитый человѣкъ оказывался связаннымъ по служебнымъ интересамъ съ болѣе знатнымъ кругомъ, и наоборотъ. Такимъ образомъ, подъ дѣйствіемъ служебнаго начала группы, складывавшіяся по генеалогическимъ признакамъ, измѣнялись въ своемъ составѣ, и можно думать, что дворянскія „статьи“ соборнаго акта представляютъ собой ту группировку, кабая получалась въ результатѣ. Эта группировка въ обычныхъ житейскихъ отношеніяхъ могла не играть роли; но она должна была получать значеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда по требованію обстоятельствъ правительству становился нужнымъ коллективный опытъ однородныхъ служилыхъ группъ. Мы будемъ имѣть основаніе считать соборъ 1566 года именно такимъ случаемъ, если примемъ во вниманіе, что тогда въ связи съ вопросомъ о мирѣ съ Польшей рѣшалась судьба нѣкоторыхъ западныхъ мѣстностей (напр., Полоцка), а дворянскія статьи составились изъ лицъ, изъ которыхъ у каждаго въ прошломъ была служба на западной границѣ (въ соотвѣтствующемъ статьѣ чинѣ)²⁾. Съ другой стороны, для обозначенія этихъ комбинацій дворянскихъ элементовъ, которымъ только случай давалъ практическое примѣненіе, московскій оффиціальнй языкъ не имѣлъ особаго термина, и потому, можетъ-быть, составитель соборнаго акта примѣнилъ къ нимъ терминъ: „статьи“, употреблявшійся при классификаціи дворянъ не по службѣ, а по стоявшимъ въ тѣсной связи со службой помѣстнымъ надѣламъ.

Выдѣленіе Торопецкихъ и Луцкихъ помѣщиковъ въ особыя группы было результатомъ приложенія того же служебнаго принципа, лишь осложненнаго признакомъ географическимъ. По служебному положенію, въ качествѣ сотенныхъ головъ, тѣ и другіе примыкали ко второй статьѣ. Эта близость ихъ сказалась даже на изложеніи ихъ мнѣній, которыя въ нѣкоторыхъ пунктахъ буквально воспроизводятъ мнѣніе дворянъ второй статьи. Выдѣленіе же ихъ въ особыя группы объясняется, повидному, чисто исторически,—спорнымъ характеромъ самыхъ городовъ Торопца и Великихъ Лукъ, ихъ положеніемъ на границѣ Польши и Москвы. По крайней мѣрѣ, и въ другихъ

¹⁾ Обзоръ служебной карьеры членовъ собора см. въ книгѣ г. Аваліани, „Земскіе соборы“.

²⁾ Ibid.

документахъ, напр., въ указѣ Грознаго о наборѣ знаменитой тысячи или въ Разрядной книгѣ Полоцкаго похода ¹⁾, Торопецкіе и Луцкіе помѣщики также не входятъ въ общее исчисленіе служилаго состава Московскаго государства, упоминаясь отдѣльными статьями. Тѣмъ естественнѣе было образовать изъ нихъ самостоятельныя группы на соборѣ, въ виду значенія подлежавшаго соборному обсужденію вопроса. Это обособленіе, сообщая обѣимъ группамъ мѣстный отпечатокъ, не уничтожало ихъ служебнаго характера, и съ точки зрѣнія основаній призыва на соборъ оно не мѣшаетъ поставить ихъ въ одномъ ряду съ двумя „статьями“.

Итакъ, различныя группы на соборѣ 1566 года своеобразнымъ подборомъ личнаго состава, закрѣпленнымъ и особыми названіями, выражаютъ, каждая по своему, одну общую мысль, что правительство призывало на соборъ представителей общества по тѣмъ административнымъ функціямъ, которыя оно распредѣлило между общественными классами, иначе говоря,— что принципомъ соборнаго представительства было служебное положеніе лица, находившееся въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ его социальными признаками. Тѣмъ же принципомъ опредѣляется и составъ собора 1598 г.; по тамъ онъ проявляется въ иныхъ сочетаніяхъ общественныхъ элементовъ. яснѣе обнаруживая свою природу и во многомъ дополняя характеристику соборной организаціи, выработанной XVI вѣкомъ.

Въ отличіе отъ собора 1566 г., о порядкѣ созыва котораго не сохранилось никакихъ извѣстій, относительно собора 1598 г. мы имѣемъ документъ, который позволяетъ наблюдать его въ различные моменты. Въ „Утвержденной граматѣ объ избраніи царемъ Б. Θ. Годунова“ ²⁾ разсказывается, что, послѣ смерти Федора Ивановича, „святѣйшій Левъ патріархъ, и митрополиты, и архіепископы, и архимандриты, и весь священный вселенскій соборъ, и бояре, и дворяне, и приказные, и служилые всякіе люди, и гости, и всѣ православные крестьяне, которые на Москвѣ“, просили сначала на царство вдову Федора Ивановича, а затѣмъ, въ виду ея отказа, явилась „мысль и совѣтъ всѣхъ единодушно, что мимо государя Бориса Федоровича иного государя никого не искати и не хотѣти“. Перечисленные чины, въ полномъ составѣ, не разъ пробовали умолять Годунова, чтобы онъ „былъ имъ милостивымъ государемъ“. — Борисъ упорно отказывался, и тогда было рѣшено временно отложить избраніе преемника Федору Ивановичу — до истеченія 40 дней съ его смерти, пока „сѣдуются со всея земли Россійскаго государства митрополиты, и архіепископы, и епископы, и весь священный соборъ, еже на велицѣхъ соборѣхъ бывають, и сѣдуются государскія дѣти разныхъ великихъ государствъ, и весь царскій синклитъ всякихъ чиновъ, и царства

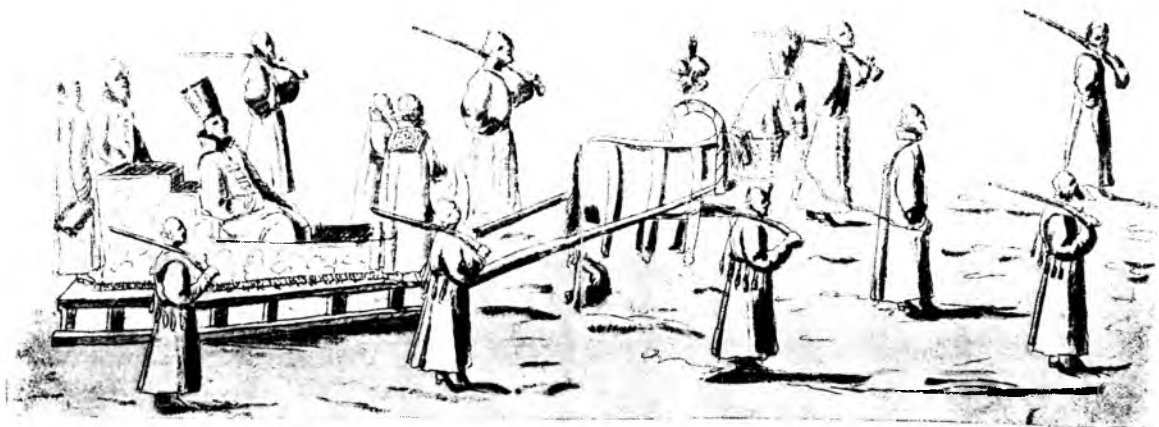
¹⁾ „Витебская Старина“, т. IV, стр. 27 и сл.

²⁾ „Акты Арх. Эксп.“, т. II, № 7.

Московскаго служилые и всякіе люди“. Во исполненіе этого рѣшенія патріархъ, узнаемъ далѣе, „посла по митрополитовъ, и архіепископовъ“, словомъ, не повторяя перечня, — по всѣхъ только что перечисленныхъ чиновъ. 17 февраля состоялось совмѣстное собраніе чиновъ, „которые были на Москвѣ“, съ тѣми, „которые пріѣхали изъ дальнихъ городовъ“, и послѣдніе „велегласно“ выразили свою солидарность съ первыми въ вопросѣ о кандидатѣ на престолъ, своимъ единодушіемъ заставивъ Бориса уступить. Въ этомъ повѣствованіи ясно выступаютъ два момента: собраніе московскихъ „чиновъ“ и съѣздъ „чиновъ“ изъ дальнихъ городовъ, сопровождавшійся общимъ собраніемъ. По существу компетенція того и другого собранія одинакова: московскіе чины, во главѣ съ патріархомъ, считаютъ себя въ правѣ просить Годунова на царство, и созывъ остальныхъ становится нужнымъ только въ виду его уклончиваго поведенія. Значитъ, передъ нами, строго говоря, два однородныхъ учрежденія или два собора: московскій и — назовемъ такъ — общеземскій. Даже болѣе того: повидимому, и различіе между ними только количественное — въ числѣ членовъ, но не въ полнотѣ представляемыхъ ими интересовъ, и лишь въ этомъ — причина бѣльшей авторитетности общеземскаго собора для Бориса. Выраженіе Утвержденной граматы, что патріархъ послалъ по людей всякихъ чиновъ оставляетъ впечатлѣніе, какъ будто приглашались лица, заранѣе извѣстныя, и приглашеніе патріарха заставляло ихъ уже съ готовыми представительными полномочіями, обусловливавшимися ихъ общественнымъ положеніемъ. Отбрасывая лишнее изъ многорѣчивой фразеологіи, въ какой составители Утвержденной граматы представили намъ составъ приглашенныхъ патріархомъ лицъ, можетъ-быть, достаточно будетъ сказать, что старались, по возможности, собрать разсѣянный по городамъ „царскій сигклитъ всякихъ чиновъ“, и что, слѣдовательно, „пріѣзжіе чины“, принадлежа къ тѣмъ же группамъ, какъ и московскіе, только усиливали ихъ количественно, но не вносили съ собой въ составъ собора новыхъ общественныхъ элементовъ. Изученіе соборнаго состава должно дать провѣрку этому впечатлѣнію.

Въ Утвержденной граматѣ находимъ два перечня именъ: въ текстѣ, гдѣ перечислены лица, присутствовавшія на соборѣ, и въ концѣ (въ подлинникѣ — на оборотѣ), гдѣ помѣщены рукоприкладства членовъ собора. Сличеніе обоихъ перечней обнаруживаетъ значительную разницу между ними: многихъ изъ присутствовавшихъ нѣтъ въ числѣ подписавшихся, и, наоборотъ, подписывались лица, которыя среди присутствовавшихъ не значатся; тѣхъ и другихъ — въ общемъ около 50 именъ. Дѣлая это наблюденіе исходнымъ пунктомъ изученія соборнаго состава, получаемъ выводы, проливающіе значительный свѣтъ на тѣ стороны соборной организаціи, которыя анализъ соборнаго акта 1566 г. оставилъ темными. Какъ могло случиться, что избирали Бориса одни лица, а подписывали избирательный актъ другіе? Утвер-

жденная грамота, какъ значится въ концѣ этого документа, была составлена 1 августа, и тогда же члены собора „руки приложили“: между тѣмъ избраніе Бориса состоялось 17 февраля: значить, между первымъ собраніемъ и послѣднимъ прошло болѣе 5 мѣсяцевъ. Если принять, что списокъ членовъ собора составленъ былъ сначала въ февралѣ, а 1 августа былъ только внесенъ въ текстъ грамоты, то различіе между двумя перечнями можно будетъ объяснить: въ теченіе 5 мѣсяцевъ одни члены собора могли уѣхать, не дождавшись конца, другіе же, опоздавши къ началу, засталъ конецъ. Такое объясненіе далъ В. О. Ключевскій. Это объясненіе предполагаетъ, что соборъ продолжался съ 17 февраля по 1 августа, но только на время, въ виду предпринятаго новымъ царемъ въ маѣ - іюнѣ мѣсяцахъ похода противъ крымскаго хана, пріостанавливалъ свою дѣятельность. Въ качествѣ доказа-

Выѣздъ царя въ санихъ. (Изъ альбома Мейерберга.)

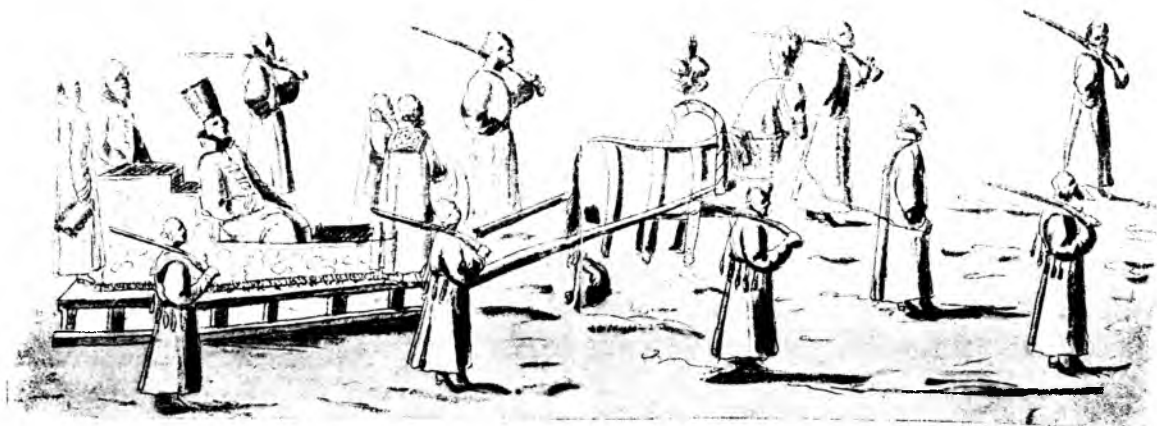
тельства Ключевскій ссылался на упоминаніе о дѣятельности собора въ апрѣлѣ того же года, встрѣченное имъ въ разрядной книгѣ крымскаго похода: тамъ, по поводу мѣстническаго спора, Борису приписаны слѣдующія слова по адресу истца: „били мнѣ челомъ патриархъ Іевъ и весь соборъ, и бояре, и приказные люди, и воеводы, и дворяне всѣ, чтобъ язъ пожаловалъ, велѣлъ боярамъ, и воеводамъ, и вамъ, дворянамъ, быти безъ мѣстъ на нашей службѣ; и ты почему такъ воруюшь?“¹⁾ Указаніе царя на это челобитье говоритъ, по мнѣнію Ключевскаго, что соборъ оставался при царѣ въ апрѣлѣ, когда происходилъ описанный случай. Такимъ образомъ, соборъ является учрежденіемъ, сохраняющимъ, независимо отъ реальныхъ проявленій своей жизнедѣятельности, юридически непрерывное существованіе, пока имѣется

1) Русская Мысль. 1891 г., кн. I. стр. 135.

Московского служилые и всякие люди“. Во исполнение этого рѣшенія патриархъ, узнаемъ далѣе, „посла по митрополитовъ, и архіепископовъ“, словомъ, не повторяя перечня, — по всѣхъ только что перечисленныхъ чиновъ. 17 февраля состоялось совмѣстное собраніе чиновъ, „которые были на Москвѣ“, съ тѣми, „которые пріѣхали изъ дальнихъ городовъ“, и послѣдніе „велегласно“ выразили свою солидарность съ первыми въ вопросѣ о кандидатѣ на престолъ, своимъ единодушіемъ заставивъ Бориса уступить. Въ этомъ повѣствованіи ясно выступаютъ два момента: собраніе московскихъ „чиновъ“ и съѣздъ „чиновъ“ изъ дальнихъ городовъ, сопровождавшійся общимъ собраніемъ. По существу компетенція того и другого собранія одинакова: московскіе чины, во главѣ съ патриархомъ, считаютъ себя въ правѣ просить Годунова на царство, и созывъ остальныхъ становится нужнымъ только въ виду его уклончиваго поведенія. Значитъ, передъ нами, строго говоря, два однородныхъ учрежденія или два собора: московскій и — назовемъ такъ — общеземскій. Даже болѣе того: повидимому, и различіе между ними только количественное — въ числѣ членовъ, но не въ полнотѣ представляемыхъ ими интересовъ, и лишь въ этомъ — причина ббльшей авторитетности общеземскаго собора для Бориса. Выраженіе Утвержденной граматы, что патриархъ послалъ по людей всякихъ чиновъ оставляетъ впечатлѣніе, какъ будто приглашались лица, заранѣе извѣстныя, и приглашеніе патриарха заставляло ихъ уже съ готовыми представительными полномочіями, обусловливавшимися ихъ общественнымъ положеніемъ. Отбрасывая лишнее изъ многорѣчивой фразеологии, въ какой составители Утвержденной граматы представили намъ составъ приглашенныхъ патриархомъ лицъ, можетъ-быть, достаточно будетъ сказать, что старались, по возможности, собрать разсѣянный по городамъ „царскій синклитъ всякихъ чиновъ“, и что, слѣдовательно, „пріѣзжіе чины“, принадлежа къ тѣмъ же группамъ, какъ и московскіе, только усиливали ихъ количественно, но не вносили съ собой въ составъ собора новыхъ общественныхъ элементовъ. Изученіе соборнаго состава должно дать провѣрку этому впечатлѣнію.

Въ Утвержденной граматѣ находимъ два перечня именъ: въ текстѣ, гдѣ перечислены лица, присутствовавшія на соборѣ, и въ концѣ (въ подлинникѣ — на оборотѣ), гдѣ помѣщены рукоприкладства членовъ собора. Сличеніе обоихъ перечней обнаруживаетъ значительную разницу между ними: многихъ изъ присутствовавшихъ нѣтъ въ числѣ подписавшихся, и, наоборотъ, подписывались лица, которыя среди присутствовавшихъ не значатся; тѣхъ и другихъ — въ общемъ около 50 именъ. Дѣлая это наблюденіе исходнымъ пунктомъ изученія соборнаго состава, получаемъ выводы, проливающіе значительный свѣтъ на тѣ стороны соборной организаціи, которыя анализъ соборнаго акта 1566 г. оставилъ темными. Какъ могло случиться, что избирали Бориса одни лица, а подписывали избирательный актъ другіе? Утвер-

жденная грамота, какъ значится въ концѣ этого документа, была составлена 1 августа, и тогда же члены собора „руки приложили“; между тѣмъ избраніе Бориса состоялось 17 февраля: значитъ, между первымъ собраніемъ и послѣднимъ прошло болѣе 5 мѣсяцевъ. Если принять, что списокъ членовъ собора составленъ былъ сначала въ февралѣ, а 1 августа былъ только внесенъ въ текстъ грамоты, то различіе между двумя перечнями можно будетъ объяснить: въ теченіе 5 мѣсяцевъ одни члены собора могли уѣхать, не дождавшись конца, другіе же, опоздавши къ началу, застали конецъ. Такое объясненіе далъ В. О. Ключевскій. Это объясненіе предполагаетъ, что соборъ продолжался съ 17 февраля по 1 августа, но только на время, въ виду предпринятаго новымъ царемъ въ маѣ - іюнѣ мѣсяцахъ похода противъ крымскаго хана, пріостанавливая свою дѣятельность. Въ качествѣ доказа-

Выѣздъ царя въ саняхъ. (Изъ альбома Мейерберга.)

тельства Ключевскій ссылался на упоминаніе о дѣятельности собора въ апрѣлѣ того же года, встрѣченное имъ въ разрядной книгѣ крымскаго похода: тамъ, по поводу мѣстническаго спора, Борису приписаны слѣдующія слова по адресу истца: „били миѣ челомъ патриархъ Іевъ и весь соборъ, и бояре, и приказные люди, и воеводы, и дворяне всѣ, чтобъ язъ пожаловалъ, велѣлъ боярамъ, и воеводамъ, и вамъ, дворянамъ, быти безъ мѣстъ на нашей службѣ; и ты почему такъ воруюшь?“¹⁾ Указаніе царя на это челобитье говоритъ, по мнѣнію Ключевскаго, что соборъ оставался при царѣ въ апрѣлѣ, когда происходилъ описанный случай. Такимъ образомъ, соборъ является учрежденіемъ, сохраняющимъ, независимо отъ реальныхъ проявленій своей жизнедѣятельности, юридически непрерывное существованіе, пока имѣется

¹⁾ Русская Мысль, 1891 г., кн. I, стр. 135.

налицо опредѣленный спеціальный составъ членовъ.—Въ этой конструкціи вообще не мало догадокъ, оставляющихъ мѣсто сомнѣнію; но, прежде всего, ненадежно основаніе. Не говоря о томъ, что ссылка на соборное челобитье, сдѣланная царемъ въ апрѣлѣ, не обязываетъ приурочивать къ апрѣлю соборъ, отъ котораго вышло челобитье,—самый фактъ, еслибы онъ былъ опредѣленъ и правильно хронологически, скорѣе опровергаетъ мысль Ключевского, чѣмъ ее поддерживаетъ: соборъ, „бывшій челомъ“ Борису объ отмѣнѣ „мѣстъ“, былъ новый соборъ, не тотъ, который Борису избиралъ въ февралѣ. Объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ соборный составъ: въ апрѣльскомъ соборѣ участвуютъ только Освященный соборъ и служилые люди, и нѣтъ никакихъ указаній на присутствіе торгово-промышленныхъ группъ, которыя въ спискѣ избирательнаго собора занимаютъ очень видное мѣсто. Если смѣна отдѣльныхъ лицъ въ составѣ представительнаго учрежденія не можетъ измѣнить характера учрежденія, то выпаденіе цѣлыхъ общественныхъ группъ имѣетъ такой эффектъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ: это будутъ уже не разныя засѣданія, а разновидности учрежденія. Такъ было, очевидно, и въ настоящемъ случаѣ, если только, конечно, не объяснять отмѣченнаго пробѣла въ апрѣльскомъ перечнѣ небрежностью составителя разрядныхъ книгъ; но всякій, знакомый съ документами по земскимъ соборамъ, знаетъ, что тогдашнихъ секретарей можно упрекнуть развѣ въ избыткѣ, а ужъ никакъ—не въ недостаткѣ усердія. Все это даетъ чувствовать, что въ самой основѣ конструкціи Ключевского есть какое-то недоразумѣніе. И тотъ же выводъ получается, если будемъ оцѣнивать ее съ точки зрѣнія годности для объясненія того наблюденія, которымъ она вызвана, т.-е. для объясненія различія соборныхъ перечней: она не рѣшаетъ вопроса во всемъ его объемѣ. Пусть служебныя обязанности помѣшали однимъ членамъ собора дожидаться до конца, а другимъ—явиться къ первымъ засѣданіямъ: это предположеніе, хотя его и нельзя провѣрить по тогдашнимъ назначеніямъ, можетъ имѣть значеніе только въ отношеніи къ служилымъ людямъ. Но вопросъ идетъ не только о служилыхъ людяхъ. Ключевскій самъ же, напр., отмѣтилъ, что въ числѣ подписавшихся подъ Утвержденной грамотой были 11 московскихъ протопоповъ, которые въ спискѣ не названы. Конечно, московскихъ протопоповъ нельзя заподозрить въ склонности къ передвиженіямъ,—почему же они не попали на избирательное засѣданіе? В. О. Ключевскій, отмѣтивши этотъ фактъ, высказалъ предположеніе, что ихъ просто „первоначально не думали приглашать на соборъ“,—объясненіе, открывающее ничуть не менѣе щекотливый вопросъ: какъ же сочли возможнымъ позвать ихъ потомъ?

Надо думать, мы не покончимъ съ этими затрудненіями, пока будемъ подходить къ оцѣнкѣ юридическаго быта далекаго прошлаго съ понятіями, взятыми изъ современной практики. Собора, какъ регулярно дѣйствующаго учре-

жденія, съ опредѣленнымъ личнымъ составомъ и періодически возобновляющимися засѣданіями.—съ этими чертами современнаго парламента, въ Утвержденной граматѣ нѣтъ: тамъ проходитъ передъ нами рядъ самостоятельныхъ собраній, которыя созываются каждый разъ непосредственнымъ распоряженіемъ верховной власти (въ данномъ случаѣ замѣняющаго ея мѣсто патріарха) и составъ которыхъ, не только личный, но и соціальный, постоянно колеблется: по зову патріарха собираются то одни наличные „чины“ столицы, то—съ ними вмѣстѣ—парочно съѣхавшіяся „государскія дѣти разныхъ великихъ государствъ“; иногда онъ „зоветъ“ на совѣтъ людей всякихъ чиновъ, не только „дѣтей своихъ“—духовныхъ лицъ и служилыхъ людей, но и гостей, даже „всѣхъ православныхъ крестьянъ“, иногда же ограничивается двумя первыми „чинами“. Такимъ образомъ, то, что принято считать засѣданіемъ собора, было въ дѣйствительности самымъ соборомъ. На соборъ, составлявшійся всякій разъ заново, а не продолжавшій засѣданія, правительство, конечно, могло призывать, кого „считало нужнымъ“,—это объясняетъ намъ, какимъ образомъ могъ оказываться различнымъ составъ двухъ близкихъ по времени соборовъ, слѣдовательно, объясняетъ и различіе между двумя перечнями членовъ такъ называемаго собора 1598 года. Однако сличеніе обоихъ перечней показываетъ, что при извѣстныхъ измѣненіяхъ или различіяхъ въ составѣ соборовъ остается широкій кругъ лицъ, который можно назвать общимъ основнымъ контингентомъ соборнаго состава. Какъ же складывался такой контингентъ, если всякій разъ соборъ составлялся заново? Этотъ вопросъ подводитъ насъ къ наиболѣе глубокой своеобразной чертѣ нашихъ земскихъ соборовъ.

Сравнивая соборные списки 1566 и 1598 г.г., легко замѣтитъ между ними разницу: въ первомъ служилые люди дѣлятся на статьи, во второмъ—на „чины“—стольниковъ, стряпчихъ, жильцовъ, дворянъ, выбора изъ городовъ. Каждый изъ этихъ чиновъ связанъ былъ съ извѣстной придворной обязанностию или, по крайней мѣрѣ, съ опредѣленной формой представительства при дворѣ. Какъ и статьи соборнаго акта 1566 г., чины 1598 г. опирались на генеалогическое достоинство лицъ, но въ отличіе отъ статьи чинъ не соотвѣтствовалъ тому или другому реальному служебному положенію, а открывалъ въ возможности его носителю опредѣленный кругъ военно-административныхъ должностей, дѣйствительное прохожденіе которыхъ опредѣлялось уже личной годностью. Значитъ, въ своей совокупности московскіе чины означали правящій классъ, представители котораго—одни реально, другіе—въ возможности—держали въ своихъ рукахъ всѣ административныя нити страны. Отсюда можно понять, почему классификація членовъ въ обоихъ соборныхъ спискахъ различна: Грозному при рѣшеніи занимавшаго его вопроса нуженъ былъ, прежде всего, опытъ служилыхъ группъ, и соборный актъ 1566 г. отмѣтилъ это дѣленіемъ членовъ собора на статьи; между тѣмъ

для Бориса важно было заручиться согласіемъ административныхъ силъ страны въ возможной полнотѣ, чтобы обезпечить за собой престолъ, иначе: согласіемъ правящаго класса вообще,—такому значенію членовъ собора болѣе соответствовала классификація по чинамъ. Но та и другая служебная классификація сходится въ одномъ существенномъ признакѣ: обѣ онѣ одинаково скрываютъ личность за группой, опредѣляя значеніе первой значеніемъ послѣдней, почерпавшимся, въ крайнемъ основаніи, чаще всего изъ генеалогическаго источника. Считалось важнымъ не то, присутствуетъ ли на соборѣ стольникъ Замятня - Сабуровъ или жилецъ Бѣляница - Зюзинъ, но то, чтобы вообще тамъ были жильцы и стольники. Потому, конечно, въ соборныхъ перечняхъ, все равно—къ какому бы времени они ни относились, такъ тщательно и перечисляются разные чины, и лишь въ немногихъ, вполнѣ опредѣленныхъ, случаяхъ называются имена. Эта черта вскрываетъ передъ нами основной смыслъ соборнаго представительства. Когда въ представительномъ учрежденіи правительство цѣнитъ или видитъ органъ, посредствомъ котораго можетъ узнать дѣйствительное мнѣніе или волю страны,—личность депутата получаетъ огромное значеніе: отъ того, въ какой степени по своимъ индивидуальнымъ свойствамъ члены такого учрежденія способны выражать настроеніе общества, зависитъ, насколько самое учрежденіе выполняетъ свое назначеніе. Очевидно, подобнаго назначенія земскіе соборы не имѣли. Но правительство можетъ поставить представительному учрежденію и другую задачу: не узнавать, а создавать чрезъ него общественное мнѣніе (или руководить общественной волей),—въ этомъ случаѣ члены учрежденія, сообразно съ своей активной ролью, должны быть вооружены соответствующими средствами воздѣйствія на общество. Доброе старое время знало лишь одно такое средство: власть; съ ея помощью, московское правительство не только устраняло общественныя отношенія, но считало возможнымъ обезпечить своимъ поданнымъ и душевное спасеніе. Этими особенностями политической педагоги Московской Руси и опредѣлился составъ того представительнаго учрежденія, какое она сумѣла создать въ XVI вѣкѣ—земскаго собора. Административная власть по преимуществу сосредоточивалась тогда въ рукахъ правящаго класса, разбитаго на чины: эти чины въ лицѣ тѣхъ изъ своихъ представителей, которые въ нужный моментъ оставались или были собраны въ столицѣ, и являлись основнымъ контингентомъ соборнаго состава. Если, по требованію обстоятельствъ, соборы созывались, какъ было въ 1598 г., нѣсколько разъ подъ рядъ, то въ большинствѣ на нихъ шли, естественно, одни и тѣ же лица. Но соборный механизмъ продолжалъ бы работать безъ переменъ, еслибы и произошло какое-нибудь измѣненіе въ составѣ частей, даже еслибы онѣ совсѣмъ были обновлены: старыя или новыя, онѣ дѣлались изъ одинаковаго матеріала, и было лишь важно, чтобы онѣ находились на мѣстахъ. Вотъ Утвержденную грамоту пришли подписывать 11 московскихъ

Царица Евдокія Лукьяновна (Стрѣшнева).
Московскій Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.

Государственный Советский
Музей Императорского
Домашнего Музея

протопоповъ, а на избирательномъ соборѣ ихъ не было. Не все ли это равно? Они явились, какъ члены Освященнаго собора, а Освященный соборъ—чинъ, необходимая составная часть Земскаго собора.

Рядомъ со служилыми группами въ 1598 г., какъ и 1566, присутствовали на соборѣ представители торгово-промышленнаго населенія: гости и старосты торговыхъ и черныхъ сотенъ. Если, держась принятаго раньше метода, мы станемъ сравнивать личный составъ этихъ группъ по извѣстнымъ намъ перечнямъ Утвержденной грамоты, то насъ встрѣтитъ нѣкоторая неожиданность: сравненіе обнаружитъ полное совпаденіе перечней. Такое наблюденіе какъ будто противорѣчитъ только что полученнымъ выводамъ: вѣдь у гостей и кунцовъ могло быть не меньше, чѣмъ у служилыхъ людей, поводовъ къ отлучкамъ, и еслибы, дѣйствительно, въ составѣ собора была важна не личная, а социальная сторона, то едва ли у нихъ нашлись бы побужденія быть столь аккуратными. На самомъ дѣлѣ аккуратность представителей торгово-промышленныхъ группъ, конечно, всего менѣе объясняется мотивами ихъ доброй воли; причина лежитъ въ томъ особомъ принципиальномъ положеніи, какое имъ было дано на соборахъ. Въ 1566 году изъ торгово-промышленнаго класса присутствовали на соборѣ лица, принадлежавшія къ высшимъ его слоямъ, и, судя по ихъ численности, они призывались едва ли не поголовно. Въ теченіе второй половины XVI вѣка торгово-промышленное населеніе Москвы пережило, повидимому, вмѣстѣ съ общимъ развитіемъ довольно энергичный процессъ дифференціаціи, и къ концу вѣка получило, соотвѣтственно этому, болѣе отчетливую организацію. Этотъ успѣхъ отразился и на составѣ соборовъ: вмѣсто неопредѣленныхъ группъ 1566 года мы имѣемъ въ 1598 году совершенно ясную классификацію, въ которой, между прочимъ, нашелъ себѣ мѣсто новый элементъ: черныя сотни и полусотни. Болѣе совершенная организація класса дала возможность правительству лучше воспользоваться его средствами въ цѣляхъ управленія: раньше оно возлагало извѣстныя административныя функціи на высшія его группы цѣлкомъ, теперь, оставивши такое значеніе только за гостями, въ остальныхъ группахъ оно распредѣлило эти функціи между официальными представителями торгово-промышленныхъ организацій, т.-е. между ихъ выборными должностными лицами. Въ результатѣ представители торгово-промышленной среды, являясь на соборъ въ силу того же служебнаго принципа, какъ и столичные чины, заняли въ соборной конституціи иное положеніе по сравненію съ послѣдними: каждый, принадлежащій къ столичному чину, служилый человекъ былъ, не сегодня—завтра, администраторомъ въ той или другой сферѣ управленія, и потому перемѣна лицъ этой группы была безразлична для учрежденія; но въ торгово-промышленномъ классѣ власть и вліяніе принадлежали только опредѣленнымъ (должностнымъ) лицамъ, и потому здѣсь личность представителя неизбѣжно получала значеніе. Какой-нибудь Оома

Лазаревъ, простой тяглецъ въ настоящемъ и въ будущемъ—что онъ значилъ для правительства и могъ ли замѣнить своей безнадежно-обывательской фигурой соцкаго Ивана Онаньина сына Коробанова, которому сама сотня вручила, съ дозволенія начальства, извѣстную административную власть надъ собой? Имя Оомы Лазарева мы видимъ среди рукоприкладствъ: онъ подписался „въ соцково въ Иваново мѣсто Коробанова и во всей сотни мѣсто“; но въ спискѣ, помѣщенномъ въ текстѣ, мы его не найдемъ: тамъ названъ одинъ Иванъ Коробановъ, какъ не найдемъ и самостоятельной его подписи подъ грамотой: значить, онъ могъ быть на соборѣ только затѣмъ, чтобы подписаться вмѣсто официальнаго представителя своей сотни,—можетъ-быть, безграмотнаго. За отсутствіемъ официальнаго представителя той или другой торгово-промышленной организаціи его мѣсто на соборѣ оставалось пустымъ, и соотвѣтствующая организація оказывалась внѣ сферы соборнаго воздѣйствія. И потому самое большее послабленіе, какое могло быть допущено правительствомъ въ отношеніи къ торгово-промышленному представительству, это—замѣна одного официальнаго лица другимъ, такимъ же официальнымъ лицомъ. Съ своей стороны правительство сохраняло за собой полную свободу дѣйствій: оно „звало“ торговыхъ и черныхъ людей въ лицѣ ихъ официальныхъ представителей, когда послѣдніе могли имѣть значеніе, если не въ рѣшеніи поставленнаго собору вопроса, то въ его исполненіи; въ противномъ случаѣ обходилось безъ нихъ, не вызывая, повидимому, никакихъ недоразумѣній. Когда избирали новаго царя и обезпечивали ему благополучное царствованіе присягой, этихъ людей, конечно, надо было звать; но вотъ въ апрѣлѣ поднятъ былъ вопросъ о службѣ „безъ мѣстъ“: о такихъ дѣлахъ „торговые мужики“ судить не могли, и въ составѣ апрѣльскаго собора, отмѣченнаго В. О. Ключевскимъ, мы видимъ только духовенство и служилыхъ людей. Обязательность въ соборномъ представительствѣ была совершенно односторонняя.

Дополняя этими результатами анализа Утвержденной грамоты выводы, полученные раньше, мы можемъ теперь намѣтить общія черты соборной организаціи XVI вѣка. Соборы составлялись изъ представителей классовъ московскаго общества: духовенства, служилыхъ людей (въ широкомъ смыслѣ) и торгово-промышленнаго населенія Москвы. Основаніе, по которому въ составъ соборовъ входили отдѣльные лица, было для всѣхъ ихъ одинаковое: служебное значеніе классовъ. Но различные классы были различно поставлены съ точки зрѣнія ихъ роли въ административной жизни страны, и отсюда выходило, что примѣненіе одного и того же представительнаго принципа создавало въ результатѣ для каждаго изъ нихъ особую форму участія въ соборахъ. Въ этомъ смыслѣ соборъ скорѣе можно бы назвать представительствомъ общественной власти, а не общественныхъ интересовъ. Имѣя такое значеніе, соборъ, конечно, не могъ составляться избирательнымъ по-

рядкомъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, члены его не назначались и правительствомъ: въ столицѣ самъ собой складывался постоянный контингентъ изъ общественныхъ группъ, представлявшихъ административныя функціи классовъ и въ этомъ имѣвшихъ источникъ права на участіе въ соборахъ. Такимъ образомъ, соборъ могъ состояться въ любое время и безъ всякой предварительной процедуры: распоряженіемъ верховной власти опредѣлялись нужныя для собора общественныя категоріи, и этого было достаточно. Позднѣе выработалась краткая и очень выразительная формула, по которой соборъ созывался обыкновенно въ одинъ день: „Государь царь и великій князь указалъ быти собору, а на соборѣ быти митрополиту, и архимаритамъ, и игуменамъ, и всему Освященному собору, и боярамъ, и окольничимъ, и стольникамъ, и стряпчимъ, и дворянамъ, и гостямъ“, и т. д.,—въ Утвержденной граматѣ этой формулѣ вполне соотвѣтствуетъ, по смыслу, еще болѣе краткая: „Патріархъ же Іевъ зоветъ“ и т. д. Однако въ исключительныхъ случаяхъ наличный составъ, имѣвшійся въ столицѣ, казался недостаточнымъ, и тогда принимались мѣры къ тому, чтобы пополнить его, призвавъ, кого можно, изъ „государскихъ дѣтей“, которыхъ служба разбѣяла по „разнымъ городамъ“¹⁾.

Въ документахъ, относящихся къ соборамъ XVI вѣка, есть, однако, одинъ пунктъ, который можетъ дать основаніе къ предположенію, что уже

¹⁾ Мысль о служебномъ значеніи соборнаго представительства впервые высказалъ, но въ иной постановкѣ, В. О. Ключевскій; однако онъ удерживалъ за земскимъ соборомъ и значеніе представительства интересовъ. По его мнѣнію, члены собора—все столичные дворяне—являлись представителями дворянскихъ обществъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ владѣли вотчинами и куда, по землевладѣтельской связи, назначались на военно-административныя должности. Въ этой концепціи много сиорнаго; главное же положеніе стоитъ въ противорѣчій съ фактами. Ключевскій указалъ нѣсколько случаевъ, когда члены собора изъ столичныхъ дворянъ служили въ своихъ уѣздахъ, но онъ не доказалъ, что это было правдомъ, и не могъ доказать, такъ какъ можно представить гораздо больше случаевъ, когда между служебнымъ назначеніемъ и отношеніями по землевладѣнію никакой связи не было. См. М. В. Ключковъ, „Вѣстникъ права“, 1904 г., ноябрь, стр. 230—240. Съ другой стороны, Ключевскій придавалъ землевладѣтельской связи значеніе критерія при подборѣ дворянскихъ представителей на соборахъ, считая поголовный призывъ столичныхъ невѣроятнымъ и ставя на видъ, въ качествѣ аргумента, незначительное число дворянскихъ представителей на соборахъ XVI в. по сравненію съ общимъ числомъ столичныхъ дворянъ. Можно, однако, не раздѣлять этихъ соображеній. В. О. Ключевскій бралъ для сравненія цифры дворянскихъ списковъ отъ половины XVII в.; но списки болѣе близкаго къ соборамъ XVI в. времени даютъ другое впечатлѣніе. Въ 1566 г. по двумъ дворянскимъ статьямъ присутствовало на соборѣ 196 человекъ. Исключая отсюда, несомнѣнно, числившихся вмѣстѣ съ столичными, „дворянъ изъ выбора“, приблизительно въ числѣ 30—40, получаемъ цифру для столичныхъ чиновъ въ 150—160. Но въ половинѣ XVI в. общее число столичныхъ чиновъ, какъ можно судить по спискамъ 1577 г. (см. „Акты Моск. Государства“, I т., № 26) и 1582 г. (Сторожевъ, „Матеріалы для исторіи русскаго дворянства“, вып. II), едва ли превышало 300 чел.; значить, на соборѣ 1566 г. присутствовала половина. Подобный же результатъ получается и для собора 1598 г.: 248 человекъ бывшихъ на немъ представителей столичныхъ чиновъ приходится на 466 чел. боярскаго списка 1610—1611 гг. (Сторожевъ, I. с.). Теперь припомнимъ слова В. О. Ключевского: „Столичное дворянство,—писалъ онъ,—являясь генеральнымъ штабомъ, исполняло самыя разнообразныя военно-административныя порученія, которыя разбрасывали его по разнымъ городамъ и угламъ государства, такъ что его трудно было и собрать въ достаточно полномъ числѣ для выбора соборныхъ представителей“ („Русск. Мысль“, 1891 г., кн. I, стр. 145). Для выбора, конечно, недостаточно; но было достаточно, если оставшіеся въ столицѣ чины призывались поголовно.

въ XVI вѣкѣ рядомъ съ служебнымъ принципомъ находилъ себѣ примѣненіе въ области соборнаго представительства и принципъ избирательный, откуда вся соборная организація должна получить двойственный характеръ. Среди служилыхъ группъ въ соборномъ спискѣ 1598 г. значится группа „выборъ изъ городовъ“. Съ нею мы встрѣчались и на соборѣ 1566 г.: это, по обычному словоупотребленію того времени,—высшій разрядъ провинціальныхъ служилыхъ людей. Само по себѣ ихъ появленіе на соборѣ не представляетъ ничего загадочнаго: на нихъ возлагались извѣстные военно-административныя порученія, которыя и создавали имъ принципиально одинаковое положеніе съ столичными чинами. Но вопросомъ является ихъ число на соборѣ 1598 г.: судя по спискамъ, „выборныхъ“ служилыхъ людей бывало въ столицѣ довольно много; почему же на соборѣ ихъ оказалось только 34 человекъ? Повидимому, производился какой-то отборъ или выборъ. Вопросъ осложняется наблюденіемъ, которое сдѣлалъ В. О. Ключевскій. Оказывается, изъ этихъ 34 лицъ 9 человекъ помѣщены въ спискѣ 1577 года среди „дворянъ“, а одинъ — среди жильцовъ. Отсюда онъ заключилъ, что всѣ члены группы принадлежали къ столичному дворянству, и потому терминъ „выборъ изъ городовъ“, которымъ названа группа, въ примѣненіи къ нимъ имѣлъ какой-то другой, не обычный, смыслъ. По мнѣнію Ключевского, здѣсь подъ „выборомъ“ надо разумѣть столичныхъ дворянъ, избранныхъ провинціальными дворянскими обществами на соборъ. Въ такой постановкѣ вопросъ, затрагивающій на первый взглядъ очень спеціальную подробность, пріобрѣтаетъ большую важность,—тѣмъ болѣе, что въ полномъ объемѣ можетъ быть отнесенъ и къ собору 1566 года. Но онъ запутывается еще болѣе въ виду слѣдующаго факта: по документамъ можно убѣдиться, что три лица изъ разсматриваемой группы несомнѣнно принадлежали къ „выбору“, т.-е. были провинціальными служилыми людьми, а не столичными: одинъ значится въ „выборѣ“ по списку 1577 г. (кн. Морткинъ), другой—по каширской десятицѣ 1599 г. (Ю. Г. Тутолминъ)¹⁾, третій—по боярскому списку 1610—1611 гг. (кн. Г. Л. Болховской)²⁾. Такимъ образомъ, составъ группы получается смѣшанный, а между тѣмъ, по смыслу, она, конечно, должна быть однородна.

Послѣднее наблюденіе, осложняя вопросъ, вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ, однако, то направленіе, въ какомъ надо искать рѣшенія. Изъ двухъ, представляющихся несомнѣстными, понятій значеніе одного („выборъ“) устанавливается, по крайней мѣрѣ, въ примѣненіи къ тремъ отмѣченнымъ лицамъ, совершенно точно: слѣдовательно, надо установить или провѣрить значеніе другого: столичный дворянинъ (а также—жилецъ). Въ документахъ такого термина мы не найдемъ; только въ концѣ XVI в. начинается появляться аналогичный по смыслу терминъ: „московскіе дворяне“ или

¹⁾ Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ М. А. М. Ю., т. VIII, ст. 148.

²⁾ Сторожевъ, „Матеріалы для исторіи р. дворянства“, в. II.

„большіе дворяне“, и то—сравнительно рѣдко. Списокъ же 1577 г. знаетъ просто „дворянъ“, и по отношенію къ нему выраженіе „столичный дворянинъ“, которымъ Ключевскій замѣняетъ слово „дворянинъ“, будетъ уже толкованіемъ. Толкованіе заключается въ томъ, что эпитетъ „столичный“ вноситъ въ понятіе „дворянинъ“ территориальный признакъ, связываетъ чинъ съ Москвой. Позднѣе, какъ было указано, такая территориализація, несомнѣнно, произошла, но произвольно начинать ее съ половины XVI вѣка. Въ Москвѣ и тогда были мѣстные дворяне, постоянные жители столицы,—у нихъ было и свое названіе: „съ Москвы дворовые“¹⁾. Понятіе же „дворянинъ“ было шире, и самый терминъ примѣнялся не только къ московскимъ, но и къ нѣкоторымъ провинціальнымъ служилымъ людямъ: въ томъ же списокѣ 1577 г. подъ этой категоріей значатся представители несомнѣнно провинціальныхъ родовъ, какъ Г. Ѳ. Сумбуловъ, И. П. Баркинъ, кн. Г. Шаховской и др. Признакомъ, объединявшимъ въ этомъ случаѣ московскихъ и провинціальныхъ служилыхъ людей, являлся доступъ къ двору, исполненіе опредѣленныхъ придворныхъ обязанностей. Для провинціального служилаго человѣка это было почетное состояніе, связанное и съ нѣкоторыми реальными интересами; но оно не всегда означало перемѣну социальнаго положенія. Въ какомъ положеніи онъ оказывался, если по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ переставалъ исполнять соотвѣтствующія его званію придворныя обязанности? Случаи изъ практики другого столичнаго чина—жильцовъ—даютъ возможность отвѣтить на этотъ вопросъ. Михаилу Ѳедоровичу подалъ кн. И. П. Гундоровъ челобитную, въ которой писалъ, что былъ онъ „въ житьѣ“, т.-е. жильцомъ при Ѳедорѣ Ивановичѣ, но въ смуту разорился и „скитался межъ дворъ“, а теперь проситъ государя, чтобы велѣлъ ему „быть въ житьѣ попрежнему“²⁾, т.-е. возстановить его въ званіи жильца. Бывали случаи, когда провинціальный служилый человѣкъ добровольно слагалъ съ себя обязанности жильца и, спускаясь ступеню ниже, становился въ ряды земляковъ, служившихъ „по выбору“; отъ 1620 года мы имѣемъ такую челобитную: „Бьетъ челомъ жилецъ князь Ѳедка князь Дмитреевъ сынъ Львовъ, а въ челобитной пишетъ, что живетъ онъ у царской свѣтлости въ житьѣ 23 года; проситъ велѣть служить ему съ Галичемъ по выбору“³⁾. Можетъ-быть, такимъ же путемъ Ѳ. М. Чертовъ-Новосильцевъ, по списку 1577 г. состоявшій жильцомъ, въ боярскомъ списокѣ 1610—1611 гг. оказался среди „выбора по Коломнѣ“⁴⁾. Изъ всего этого можно сдѣлать слѣдующій выводъ: переставая исполнять придворныя обязанности, соединенныя съ званіемъ жильца, провинціальный служилый человѣкъ, если и не совсѣмъ

1) „Витебская старина“, т. IV, стр. 28—32.

2) „Акты Моск. государства“, т. I, № 51.

3) „Акты Моск. госуд.“, т. I, № 134.

4) Описаніе докум. и бум., хранящихся въ Моск. Арх. М. Юст., т. VIII, 148 стр.

возвращался въ прежнее состояніе, то, во всякомъ случаѣ, въ его положеніи граница между чинами—столичнымъ и провинціальнымъ—стиралась, открывая для него возможность числиться тамъ и здѣсь. Можно думать, что тѣ же самыя послѣдствія являлись, если дѣйствующимъ лицомъ былъ не жилецъ, а дворянинъ,—тѣмъ болѣе, что оба чина на іерархической лѣстницѣ стояли рядомъ. Косвеннымъ образомъ это предположеніе можно подтвердить: 9 членовъ собора 1598 г. изъ „выбора“, числящіеся среди „дворянъ“ по списку 1577 г., въ томъ же чинѣ занесены и въ списокъ 1610—1611 гг.; но только одинъ изъ нихъ значится „дворяниномъ“ въ списокѣ 1582 г., представляющемъ ту особенность, что всѣ столичные чины распределены въ немъ по мѣстамъ, какія обязаны были занимать во время придворныхъ церемоній¹⁾: не потому ли и не попали сюда остальные, что они не несли въ то время придворныхъ обязанностей? Въ такомъ случаѣ составитель и этого списка долженъ былъ охотнѣе отнести ихъ къ „выбору“, какъ сдѣлалъ составитель соборнаго списка. Такъ путемъ болѣе точнаго опредѣленія понятія „дворянинъ“ открывается возможность выйти изъ того затрудненія, въ какое ставитъ изслѣдователя соединеніе въ одной соборной группѣ представителей различныхъ чиновъ—столичнаго и провинціальнаго: при извѣстныхъ условіяхъ, чинъ дворянина или жильца не мѣшалъ ихъ носителю оказаться въ рядахъ провинціальнаго служилыхъ людей.

Мало того, особенности этихъ двухъ чиновъ позволяютъ отвѣтить и на вопросъ о томъ, какъ изъ массы находившихся въ Москвѣ провинціальнаго служилыхъ людей отбирались тѣ немногіе, которые образовали на соборѣ группу „выборъ изъ городовъ“. Предположеніе В. О. Ключевского, что въ примѣненіи къ нимъ вступалъ въ дѣйствіе принципъ общественнаго избранія, отпадаетъ самъ собою, въ виду сдѣланныхъ разъясненій. Надо думать, что они проходили на соборъ гораздо болѣе извилистыми путями. Въ нижнихъ рядахъ блестящей пирамиды столичныхъ чиновъ было, безъ сомнѣнія, не мало такихъ, которые явились въ столицу подъ болѣе скромнымъ титуломъ „выборъ изъ городовъ“ и уже потомъ поднялись наверхъ; въ то же время постоянно находились среди нихъ и такіе, которые, по своей ли или чужой волѣ, спускались внизъ, смѣшиваясь опять съ знакомой имъ провинціальнаго массой. Въ результатѣ этого встрѣчнаго движенія среди провинціальнаго „выбора“ легко могла образоваться группа, члены которой стояли ближе къ правящимъ верхамъ, чѣмъ остальные, и благодаря этому могли скорѣе другихъ попасть на соборъ. По крайней мѣрѣ, въ Утвержденной граматѣ сохранился слѣдъ подобныхъ интимныхъ отношеній. Въ числѣ членовъ собора были трое Совиныхъ—отецъ съ двумя сыновьями. По списку граматъ отецъ значится среди жильцовъ, сыновья—среди „выбора изъ горо-

¹⁾ Сторожевъ, „Матеріалы“, в. II.

довъ“; но подъ грамотой они подписались всѣ вмѣстѣ—въ группѣ „выборъ изъ городовъ“. Кажется очень правдоподобнымъ, что старшій сначала помогъ младшимъ подняться на ступеньку повыше и потомъ уже сталъ съ ними въ рядъ.

Такимъ образомъ, „выборъ изъ городовъ“, повидимому, вполне укладывается въ рамки выработанной XVI вѣкомъ соборной организаціи, являясь лишь разновидностью служилого представительства. Въ этой области жизни XVI вѣкъ, надо думать, кончалъ тѣми же формами и тѣми же принципами, какими и началъ. Новое и въ томъ и въ другомъ отношеніи принадлежитъ его преемнику.

III.

Въ XVII вѣкѣ въ составѣ соборовъ впервые появляется безспорный выборный элементъ, и вмѣстѣ съ нимъ начинается новая страница въ исторіи соборнаго представительства. Открытое признаніе новый принципъ получилъ въ смутную эпоху, въ 1610 году, когда правительство, послѣ низложенія Шуйскаго, обратилось ко всѣмъ городамъ Московскаго государства съ предложеніемъ прислать въ Москву для избранія новаго царя, „изъ всякихъ чиновъ выбравъ по человѣку“. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе приблизительно полувѣка, населеніе слышало, то чаще, то рѣже, но звучавшія всегда одинаково настойчиво требованія изъ Москвы о присылкѣ выборныхъ людей „для государева и земскаго дѣла“.

Наличность выборнаго элемента въ составѣ сообщаетъ, безъ сомнѣнія, соборамъ XVII вѣка особый характеръ по сравненію съ соборами XVI вѣка. Но по общему характеру трудно судить о степени реального значенія совершившейся перемѣны. Съ этимъ вопросомъ надо обращаться къ болѣе надежнымъ показателямъ, каковыми служатъ: 1) социальный составъ выборныхъ членовъ собора и 2) положеніе выборнаго элемента въ соборной организаціи.

О составѣ выборнаго элемента на земскихъ соборахъ мы можемъ судить частью по подписямъ подъ нѣкоторыми изъ соборныхъ актовъ, напр., подъ Утвержденной грамотой при избраніи Михаила Федоровича, а главнымъ образомъ—на основаніи официальныхъ документовъ по производству выборовъ: призывныхъ грамотъ правительства и воеводскихъ отписокъ о ходѣ и результатахъ выборной процедуры. Въ призывныхъ грамотахъ смутнаго времени кругъ избирателей обыкновенно обозначается растяжимой формулой: „всякихъ чиновъ люди“, а способъ ея конкретнаго примѣненія, вѣроятно, опредѣлялся самъ собой, отражая въ себѣ исторически сложившееся строеніе общества, если только, впрочемъ, не рѣшалъ своею властью воевода. Изъ подписей подъ Утвержденной грамотой видно, что населеніе въ отвѣтъ на обращенное къ нему въ такой формѣ требованіе высылало

представителей отъ трехъ основныхъ классовъ общества: служилыхъ людей, посадскихъ и уѣздныхъ (государственныхъ крестьянъ). Съ теченіемъ времени правительство начинаетъ формулировать свои требованія въ призывныхъ грамотахъ опредѣленнѣе, и соціальный составъ избирателей суживается. Первое точное ограниченіе устанавливаетъ окружная грамота отъ 5 іюля 1619 года, призывая на соборъ изъ трехъ классовъ лишь служилыхъ и посадскихъ людей, и съ тѣхъ поръ представители этихъ двухъ классовъ образуютъ собой весь выборный элементъ земскихъ соборовъ; уѣздные люди остаются въ сторонѣ. Параллельно съ ограниченіемъ круга избирателей произошла, кажется, перемѣна и въ отношеніи къ сословному значенію избираемыхъ. Первоначально и въ этомъ отношеніи не было, повидимому, регламентаціи; въ грамотѣ 1613 года не мало подписей „въ посацкихъ и уѣздныхъ людей мѣсто“ прикладывающихъ руки духовныхъ лицъ и служилыхъ людей, судя по общему характеру формулы и по нѣкоторымъ другимъ признакамъ—въ качествѣ ихъ выборныхъ представителей. Между тѣмъ позднѣе принадлежность избираемаго къ сословію избирателей становится правиломъ, нарушеніе котораго вызываетъ неудовольствіе правительства. Въ подписяхъ подъ „уложенной книгой“ 1648 года мы уже не видимъ случаевъ сословнаго расхожденія между избираемымъ и избирателями, въ связи съ чѣмъ, можетъ-быть, не видимъ въ составѣ собора и духовныхъ лицъ изъ провинціи, являвшихся раньше, напр., въ 1613 г., въ довольно большомъ числѣ, представителями своихъ духовныхъ дѣтей изъ низшихъ слоевъ населенія. Въ 1651 г. кранивенскій воевода, пославшій, за отсутствіемъ годныхъ лицъ изъ посадскихъ людей, боярскаго сына да пушкаря въ качествѣ выборныхъ отъ посада, получилъ изъ Москвы выговоръ. Наиболѣе яркое выраженіе сословный принципъ въ жизни соборнаго представительства получаетъ во второй половинѣ XVII вѣка, когда его успѣхи начинаютъ означать уже разложеніе соборной организаціи. Въ это время правительство предпочитаетъ, въ случаѣ тѣхъ или иныхъ затрудненій, требовать „выборныхъ людей“ отъ того сословія, котораго вопросъ непосредственно касается, не созывая „совѣта всѣхъ чиновъ“: на такихъ началахъ былъ устроенъ рядъ совѣщаній съ гостями и тяглыми людьми г. Москвы въ 1660 и 1662 гг. по поводу денежнаго кризиса; подобныя же совѣщанія происходили въ 1682 г.: съ представителями служилаго класса о военной организаціи, съ представителями тяглыхъ людей—о податномъ обложеніи,—съ тѣми и другими порознь. Конечно, торжество сословнаго принципа на земскихъ соборахъ само имѣло причины въ условіяхъ соціально-политической жизни, и, являясь показателемъ происходившихъ тогда болѣе общихъ процессовъ, не оно вызвало это превращеніе земскаго собора въ комиссію съ сословными представителями; но во всякомъ случаѣ оно подготавливаетъ наблюдателя къ этому превращенію, отнимая у факта остроту неожиданности.

Сословный принципъ, въ его различныхъ опредѣленіяхъ, очерчивалъ сферу примѣненія выборнаго начала; самый же результатъ въ значительной степени зависѣлъ еще отъ постановки производства выборовъ. Какъ производились выборы въ смутную эпоху, въ первые дни жизни выборнаго представительства,—въ точности сказать нельзя. Мы знаемъ только, что призывныя грамоты адресовались тогда непосредственно „всякихъ чиновъ людямъ“, направляясь обыкновенно въ городъ; и можемъ предполагать, что собраніе („соборъ“—въ документахъ) этихъ „всякихъ чиновъ людей“, выслушавъ грамоту, поручало исполнять по ней выборнымъ властямъ, какъ привыкло за это время поступать и въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Однако, уже къ концу второго десятилѣтія подготовка къ выборамъ и наблюденіе надъ ихъ производствомъ переходятъ къ воеводамъ (иногда, впрочемъ, дѣйствуетъ губной староста): къ воеводѣ направляется изъ Разряда царская грамота съ предписаніемъ „выбрать“ столько-то человѣкъ, т.-е. организовать выборы, и на него же, затѣмъ, возлагается обязанность „прислать“ выбранныхъ лицъ въ Москву. Главными документами, по которымъ до нѣкоторой степени можно возстановить картину выборной процедуры, служатъ отписки воеводъ, содержащія отчеты о результатахъ выборовъ. „И по твоей государевой грамотѣ выбралъ я, холопъ твой, дворянъ лучшихъ двухъ человѣкъ..., да посадскаго одного человѣка, и послалъ къ тебѣ, государь, съ сею отпискою“,— вотъ обычная форма воеводской отписки. Читая подобные документы, можно подумать, что сами избиратели тутъ были ни при чемъ, и въ Москву ѣхали представители не населенія, а воеводы. На самомъ дѣлѣ роль населенія была болѣе активная, и только воеводское перо, воспитанное въ духѣ административной практики, не умѣло иначе передать новыя явленія, какъ въ старыхъ привычныхъ образахъ. Въ этомъ убѣждаютъ отписки, составленныя болѣе удачно, по которымъ можно видѣть, какъ воевода извѣщалъ избирателей о царской грамотѣ, какъ собиралъ ихъ въ опредѣленный пунктъ для выборовъ, прибѣгая иногда, въ виду ихъ равнодушія къ своимъ избирательнымъ правамъ, даже къ содѣйствію пушкарей и стрѣльцовъ,—каковы, наконецъ, были результаты избирательной кампаніи. Сохранился даже протоколъ избирательнаго собранія отъ 1651 г. по г. Новосію, такъ наз. „выборъ за руками“, подписанный всѣми участниками¹⁾. Впрочемъ, встрѣчаются иногда въ отпискахъ подробности, которыя заставляютъ подозревать, что воевода имѣлъ вліяніе на исходъ выборовъ. Одинъ воевода писалъ царю: „По твоему государеву, цареву и великаго князя указу, я, холопъ твой, муромцамъ дворянамъ... велѣлъ съѣхаться въ Муромъ, въ съѣзжую избу... и выбрать изъ одной половины, по сказкѣ дворянъ, дворянина“ такого-то, „а изъ другіе

¹⁾ Большинство этихъ документовъ собрано у Латкина, „Матеріалы по исторіи земскихъ соборовъ“.

половины“—такого-то ¹⁾). По смыслу выражений, дворяне какъ будто только намѣчали выборныхъ, а рѣшающей инстанціей являлся воевода. Но бывали среди воеводъ люди съ очень рѣшительнымъ характеромъ, о дѣяніяхъ которыхъ приходится узнавать уже изъ жалобъ населенія. Съ однимъ изъ такихъ администраторовъ знакомитъ насъ челобитная избирателей г. Ельца, въ которой „бѣдные безпомощные ельчане дѣтишки боярскія и помѣстныхъ казачишка“ жалуются на своего воеводу, что онъ выбралъ представителями отъ нихъ на соборъ (1648 г.) двухъ дѣтей боярскихъ „ушниковъ“, по отзыву челобитчиковъ; а людей, которые хранили у себя челобитную о его дѣйствіяхъ, „билъ ослопомъ донолу смерти“ ²⁾). Неудовольствіе челобитчиковъ вызываетъ, однако, не столько то, что воевода нарушилъ ихъ права, сколько то, что онъ выбралъ нехорошихъ людей,—и это, можетъ-быть, самое характерное въ инцидентѣ. Надо сказать, что въ то время подобныя проявленія административной инициативы встрѣчали рѣшительное осужденіе со стороны правительства. Точно неизвѣстно, какой результатъ имѣла челобитная ельчанъ (нѣкоторые признаки, впрочемъ, имѣются, что дѣло было рѣшено въ ихъ пользу), но мы знаемъ, какъ отнеслось правительство къ донесенію воеводы, который, понявъ по-своему царскую грамоту, самъ выбралъ представителей на соборъ: на его отпискѣ была положена слѣдующая резолюція: „Послать грамоту съ осудомъ къ Василю Астафьеву; послана къ нему грамота, велѣно дворянамъ промежь себя выбрать дворянъ добрыхъ, а не ему выбрать, и за то его осудить гораздо“ ³⁾). Правительство, правда, не совсѣмъ отказывалось отъ вліянія на выборы; но оно ограничивалось только тѣмъ, что устанавливало моральный критерій, которому должны удовлетворять выборный, предписывая выбирать людей „добрыхъ и постоянныхъ“ или „лучшихъ“. Это была единственная директива, исходившая изъ центра.

Какъ бы часто ни повторялось вмѣшательство воеводъ въ производство выборовъ,—все же оно оставалось не правиломъ, а злоупотребленіемъ, и въ результатѣ выборовъ соборъ получалъ дѣйствительныхъ представителей населенія, хотя и съ сословнымъ значеніемъ. Такимъ образомъ, если предположить, что выборное представительство въ XVII вѣкѣ замѣнило собой официальное XVI вѣка, то мы имѣли бы въ соборѣ XVII вѣка совсѣмъ новое учрежденіе. Въ дѣйствительности, однако, было иначе. Соборъ стараго типа пережилъ Смуту и перешелъ въ XVII вѣкѣ въ томъ самомъ видѣ, какъ сложился въ XVI. Значитъ, выборное представительство являлось только новымъ элементомъ соборной организаціи, который долженъ былъ найти себѣ мѣсто рядомъ съ прежнимъ—служебнымъ, и для понима-

¹⁾ *Иб.*, стр. 110.

²⁾ „Акты, относящіеся къ исторіи земскихъ соборовъ“. Изд. подъ ред. Готье, стр. 62.

³⁾ Латкинъ, „Земскіе соборы“, стр. 267.

нія соборовъ XVII вѣка необходимо выяснитъ, какое отношеніе существовало между тѣмъ и другимъ.

Можно установить, какъ общее положеніе, что между выборнымъ и служебнымъ элементомъ (долгое, по крайней мѣрѣ, время) не было необходимой органической связи, которая не допускала бы раздѣльнаго существованія обонхъ. Это положеніе, очевидно, было бы подтверждено, еслибы и въ XVIII вѣкѣ оказались случаи, когда соборъ созывался исключительно по служебному принципу. Такихъ случаевъ можно указать нѣсколько.

1) Въ Разрядныхъ книгахъ подъ 27 іюля 1618 г. находимъ слѣдующую запись: „Государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ говорилъ съ митрополитомъ Іоною..., и съ архіепископы, и съ архимариты, и съ игумены, и со всѣмъ Освященнымъ соборомъ, и съ бояры, и съ окольниковыми, и съ думными людьми“ о томъ, чтобы „служилымъ людямъ, у всѣхъ дѣлъ по нынѣшнимъ по литовскимъ вѣстямъ быти безъ мѣстъ“ ¹⁾. На присутствіе выборныхъ людей здѣсь не только нѣтъ указаній, но перечень чиновъ, заканчиваясь думными людьми, не даетъ и возможности предполагать, что они были; между тѣмъ собраніе тутъ же, лишь нѣсколькими строками ниже, названо соборомъ. По всей вѣроятности, это былъ такой же соборъ, какой, мы знаемъ, былъ собранъ въ апрѣлѣ 1598 года. 2) Въ 1618 же году состоялся другой соборъ — по поводу открытія военныхъ дѣйствій со стороны Польши.

Краткость срока не позволяетъ предполагать, чтобы могли быть произведены выборы именно къ этому случаю: извѣстіе о вступленіи Владислава было получено 8 сентября, а 9-го Михайлъ Ѳедоровичъ уже „говорилъ митрополитамъ, и архіепископамъ, и епископамъ, и игуменамъ“, и прочимъ, знакомымъ намъ, чинамъ рѣчь—съ призывомъ стоять противъ врага, т.-е. 9 сентября уже происходило соборное совѣщаніе. Въ виду этого признается, что выборные люди были призваны раньше, по другому поводу, а соборъ 9 сентября былъ только однимъ изъ засѣданій сессіи. Насколько это убѣжденіе хотеть основываться не на вѣрѣ только, а на данныхъ источниковъ,—оно единственную опору для себя можетъ находить въ перечнѣ чиновъ, который заканчи-

Никонъ Маровъ. (По старин. русской гравюрѣ).

¹⁾ Книги Разр., т. I, стр. 559—60.

вается указаніемъ на „дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ городовъ и всякихъ чиновъ людей“. Не кроются ли здѣсь искомые выборные люди? Отвѣтъ можно найти во второй половинѣ акта, гдѣ распредѣляются паличныя силы или гарнизонъ Москвы по разнымъ пунктамъ. Видно, что приближающаяся опасность вызвала полную мобилзацію въ столицѣ: поставлены на ноги не только военные люди, но и гости, и черныя сотни, и подьячіе, и конюхи; попалъ въ число защитниковъ столицы даже „греческой переводчикъ“. Но нѣтъ и намека на присутствіе среди всѣхъ этихъ, тщательно пересчитанныхъ, людей выборныхъ, посадскихъ и уѣздныхъ представителей, которыхъ можно бы подозрѣвать подъ титуломъ „всякихъ чиновъ люди“, хотя вообще, надо сказать, въ соборныхъ актахъ этотъ титулъ играетъ роль скорѣе заключительнаго аккорда, чѣмъ конкретнаго показателя. Иначе относительно „дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ городовъ“: изъ однихъ городовъ ихъ совсѣмъ нѣтъ, изъ другихъ — по нѣскольку человекъ (2 — 10), изъ третьихъ — очень много (Смоленскихъ, напр., 56, Можайцевъ 46, Новгородцевъ и Звенигородцевъ по 30) ¹⁾. При общей мобилзаціи, конечно, должны были бы попасть въ расчетъ и представители провинціальныхъ дворянъ, и можно было бы ожидать болѣе или менѣе равномернаго распредѣленія ихъ по городамъ; соборный актъ показываетъ другое, и это — явный знакъ, что въ соответствующемъ чинѣ перечня мы имѣемъ не выборныхъ представителей, а „выборъ изъ городовъ“, обычный элементъ собора XVI вѣка. 3) Во время второй войны съ Польшей (1632—4 гг.) выяснилось, что „денежкой государевой казнѣ... безъ прибыльныхъ казны (т.-е. безъ чрезвычайнаго налога) быть не умѣтъ“. Въ виду этого 28 января 1634 г. Великій государь Михаилъ Ѳеодоровичъ „указалъ быть собору“, и 29 января соборъ состоялся ²⁾. И на этотъ разъ все произошло, какъ видимъ, въ теченіе одного дня; слѣд., также нельзя и здѣсь предполагать, что созыву собора предшествовали выборы. Зато имѣется какъ будто основаніе считать этотъ соборъ однимъ изъ засѣданій сессіи, начавшейся ранѣе. Въ соборномъ актѣ 1634 г. упоминается соборъ, созывавшійся по такому же вопросу въ 1632 г., при чемъ онъ названъ тамъ „первымъ“, — не былъ ли онъ просто первымъ засѣданіемъ, относящимся къ предполагаемой сессіи? Если же оба собора понимать, какъ засѣданія одной и той же сессіи, — смѣшность созыва собора 1634 г. сама по себѣ уже не будетъ говорить противъ возможности выборнаго элемента въ его составѣ. При такомъ предположеніи рѣшеніе вопроса ставится въ зависимость отъ отъ того, имѣются ли положительныя указанія на присутствіе среди членовъ того и другого собора выборныхъ людей. Но подобныхъ указаній ни въ обстоятельствахъ созыва собора, ни въ перечняхъ чиновъ нѣтъ: въ актѣ и др. документахъ, относящихся къ этимъ соборамъ, названы только

¹⁾ Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. III, № 40.

²⁾ Собр. Гос. Гр. и Дог., т. III, № 99.

московскіе чины, хотя въ распоряженіи составителей, несомнѣнно, имѣлись особые термины для обозначенія выборныхъ людей, въ другихъ случаяхъ употребляющіеся ими. Еще важнѣе, однако, то, что предположеніе о непрерывной сессіи 1632—4 гг. не внушаетъ довѣрія, такъ какъ строится очень искусственнымъ путемъ. Въ соборномъ актѣ 1634 г., правда, дѣлается ссылка на рѣшеніе, принятое „въ прошломъ году“ „на первомъ соборѣ“. Но трудно допустить, чтобы этотъ соборъ могъ быть названъ первымъ, еслибы въ промежуткѣ между нимъ и соборомъ 1634 г., на протяженіи года слишкомъ, имѣлъ мѣсто цѣлый рядъ засѣданій (на которыя, добавимъ, нѣтъ никакихъ намековъ), какъ требуетъ понятіе сессіи: такое словоупотребленіе психологически неестественно. Предполагать непрерывность засѣданій тѣмъ труднѣе, что послѣ перваго собора „архимариты, и дворяне, и приказные“ — эти официальные члены собора — были, какъ видно изъ акта 1634 г., разосланы въ провинціи для сбора установленнаго въ 1632 г. чрезвычайнаго же налога. Такимъ образомъ, сохраняя названіе сессіи за тѣмъ, что происходило въ 1632—4 гг., пришлось бы допустить, что выборные люди послѣ засѣданія въ 1632 г. цѣлый годъ оставались въ Москвѣ только для того, чтобы въ слѣдующемъ году почти съ буквальной точностью повторить постановленіе, сдѣланное ими рапѣе, а затѣмъ — разойтись по домамъ. Едва ли надо доказывать, какъ мало подобная картина подходитъ къ понятію о назначеніи выборнаго представительства, къ тому же осуществляемаго въ условіяхъ древне-русской жизни. Но если понятіе сессіи въ данномъ случаѣ неприложимо, и оба собора были самостоятельными, то спѣшность созыва собора 1634 г. получаетъ полное значеніе, и вопросъ о присутствіи въ его составѣ выборныхъ людей долженъ быть рѣшенъ отрицательно.

Приведенные примѣры, а число ихъ можно увеличить, удостовѣряютъ, что соборная организація XVI вѣка, сохраняя свою жизненность и въ XVII, появлялась по временамъ въ формѣ самостоятельнаго учрежденія. Какъ въ XVI вѣкѣ, такъ и теперь соборъ этого типа составлялся изъ палочныхъ служилыхъ чиновъ Москвы, безъ всякой предварительной подготовки и въ самый короткій срокъ. Это наблюденіе позволяетъ найти простое и естественное объясненіе явленіямъ, которыя до того вызывали очень искусственныя и — въ такой же степени — сомнительныя построенія. Исторія земскаго собора за XVII вѣкъ обыкновенно представляется въ трехъ различныхъ стадіяхъ. Первая стадія — первое десятилѣтіе новой династіи: земскій соборъ дѣйствуетъ непрерывно, при чемъ выборный составъ смѣняется по сессіямъ (черезъ каждые три года), — совсѣмъ такъ, какъ въ странѣ съ развитымъ парламентскимъ строемъ. Вторая стадія — слѣдующее десятилѣтіе (1621—1632 г.): перерывъ въ соборной дѣятельности, когда исчезаютъ слѣды не только парламентской техники, но и самаго собора. Третья стадія: возобновленіе соборовъ, однако уже безъ соблюденія правильной періодичности выборовъ

(понятіе сессіи примѣняется только къ собору 1634 г.). Эти стадіи, пройденныя соборомъ въ XVII вѣкѣ, производятъ въ общей сложности впечатлѣніе какихъ-то судорожныхъ скачковъ; но другой картины и не можетъ получиться, если во всѣхъ случаяхъ, когда созываются соборы, предполагать непремѣнно присутствіе выборнаго элемента. Такъ, въ первое десятилѣтіе соборъ упоминается, дѣйствительно, часто и въ разныхъ источникахъ, а между тѣмъ сохранилось отъ того времени всего 4 призывныхъ грамоты (относящіяся къ двумъ соборамъ)—въ Пермь великую отъ 15 января 1616 г., на Тотьму и къ Соли Вычегодской отъ 6 января 1616 г. и въ Устюжну отъ 9 сентября 1619 г. Если выборныхъ людей считать необходимымъ элементомъ соборовъ XVII в., то, конечно, только съ помощью понятія сессіи и можно объяснить, какимъ образомъ правительство, производя такъ рѣдко выборы, могло такъ часто созывать соборы. Съ другой стороны, полное отсутствіе указаній на производство выборовъ въ слѣдующемъ десятилѣтіи, а также молчаніе источниковъ о соборахъ, должны вести къ заключенію, что соборы вдругъ прекратились, хотя бы только что передъ тѣмъ были постоянно дѣйствующимъ и технически правильно поставленнымъ учрежденіемъ. Наконецъ, въ послѣднемъ періодѣ, когда соборъ созывался чрезъ очень различные промежутки, встрѣчаются случаи возобновленія выборовъ на протяженіи всего только 1½ года: поэтому понятіе сессіи въ примѣненіи къ послѣднему періоду оставляется историками, однако безъ объясненія, почему соотвѣтствующая практика оставляется тогдашнимъ правительствомъ. Такъ упрямой непослѣдовательностью отвѣчаетъ древне-русская дѣйствительность, если подходить къ ней съ понятіями и критеріями, взятыми изъ современной парламентской практики. Но предположимъ, оставивъ позднѣйшіе образцы, что выборные люди участвуютъ далеко не во всѣхъ соборахъ и что наиболѣе употребительной формой собора и въ XVII вѣкѣ осталась та, какую знаетъ еще XVI вѣкъ. При такомъ предположеніи историческая жизнь соборовъ получаетъ гораздо болѣе ровное и послѣдовательное теченіе. Рѣдкія указанія источниковъ на производство выборовъ такъ и будутъ означать рѣдкіе случаи обращенія правительства къ выборному представительству. Съ другой стороны, офиціальнѣй соборъ по особенностямъ своего характера и состава не могъ самъ по себѣ являться чрезвычайнымъ событіемъ въ придворной жизни и, вѣроятно, отмѣчался въ дворцовыхъ записяхъ, главнымъ образомъ, въ виду важности обсуждавшихся на немъ вопросовъ. Отсюда — частыя упоминанія о соборахъ въ первое десятилѣтіе, богатое важными и тревожными вопросами правительственной политики; но отсюда же и молчаніе о немъ источниковъ за второе десятилѣтіе, не ознаменовавшееся никакими выдающимися событіями: соборы могли и быть, но о нихъ не было достаточнаго повода говорить.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда официальный соборъ выступаетъ въ XVII в. въ качествѣ самостоятельнаго учрежденія, ни въ его составѣ, ни въ организациіи незамѣтно, до 1642 года, никакихъ перемѣнъ по сравненію съ тѣмъ, какимъ мы видѣли его въ XVI вѣкѣ. Однако, несомнѣнны и такіе случаи, когда соборъ XVII вѣка становится сложнымъ учрежденіемъ, въ которомъ рядомъ со служебнымъ элементомъ появляется выборный. Какое положеніе займетъ каждый изъ нихъ относительно другого и будетъ ли между ними какое-нибудь взаимодѣйствіе? Къ сожалѣнію, источники очень мало говорятъ о внутренней организациіи земскихъ соборовъ въ ихъ новомъ видѣ, и ее можно возстановить лишь отчасти путемъ умозаключеній, отправляясь отъ очень мелкихъ наблюдений.

Соборные акты и простыя записи содержатъ въ себѣ, какъ мы знаемъ, почти всегда перечни группъ, присутствующихъ на соборѣ. Въ этихъ перечняхъ на первыхъ мѣстахъ мы неизмѣнно находимъ названія извѣстныхъ намъ столичныхъ чиновъ; но тутъ же встрѣчаемъ иногда и новые термины, свидѣтельствующіе о перемѣнѣ въ составѣ учрежденія: „изъ городовъ выборные люди“, „изъ всѣхъ городовъ выборные всякіе люди“, „изъ городовъ пріѣзжіе всякіе люди“, иногда „дѣти боярскіе всѣхъ городовъ“, „торговые люди всѣхъ городовъ“. Подобные термины появляются всякій разъ, когда можно тѣмъ или другимъ путемъ удостовѣрить наличность выборнаго элемента, въ составѣ собора, и, наоборотъ, они отсутствуютъ тамъ, гдѣ предполагать присутствіе выборныхъ людей нѣтъ основаній. Мы знаемъ, что выборные присылались городскимъ дворянствомъ, посадскимъ населеніемъ и волостнымъ крестьянствомъ; но разъ во всѣхъ случаяхъ официальный составъ перечней остается неизмѣненнымъ, то надо будетъ допустить, что появленіе выборныхъ на соборахъ не мѣшало оставаться въ составѣ послѣднихъ съ прежнимъ значеніемъ не только столичнымъ чинамъ, но и провинціальнымъ дворянамъ изъ „выбора“, присутствовавшимъ по служебному положенію, а также — официальнымъ представителямъ торговыхъ и черныхъ сотенъ. Значитъ, оба элемента представляютъ въ составѣ собора какъ бы два параллельныхъ ряда, мирно уживающихся одинъ подлѣ другого. Эта па-

Царь Михаилъ Федоровичъ. (Изъ царскаго Титулярника).

параллельность особенно отчетливо выступаетъ въ перечняхъ Утвержденной грамоты 1613 года, гдѣ не только столичныя чины, но и „дворяне изъ городовъ и дѣти боярскія“ прямо отличаются вообще отъ „выборныхъ людей, которые съѣхались изъ городовъ для государскаго обираиія“¹⁾. Тотъ же выводъ можно сдѣлать еще изъ другого наблюденія. Послѣ избранія Михаила Феодоровича была отправлена земскимъ соборомъ къ новому царю извѣстительная грамота. Она написана отъ всего собора — отъ чиновъ и выборныхъ людей, что и естественно. Въ грамотѣ разсказывается о событіяхъ, предшествовавшихъ избранію царя, и среди разсказа мы наталкиваемся на слѣдующую неожиданную фразу: „и мы, богомольцы твои государевы, всякихъ чиновъ люди Московскаго государства, писали во всеѣ Украинныя, и въ Поморскіе, и въ Понизовые, и въ Сѣверскіе города“, чтобы „для государскаго избранья ѣхали изъ городовъ къ Москвѣ изъ всякихъ чиновъ“²⁾. Сдѣлавши справку на счетъ того, кто были авторы посланныхъ во всеѣ города писемъ—эти „всякихъ чиновъ люди Московскаго государства“, узнаемъ, что то были „бояре и окольникіе, и чашники, и стольники, и стряпчїе, и дворяне большіе, и жильцы, и изъ городовъ дворяне и дѣти боярскія, и гости и торговые люди, и всякихъ чиновъ люди“³⁾. Ясно, что тутъ дѣйствовалъ соборъ оффиціального типа, и онъ же, напоминая о себѣ, говоритъ отъ своего лица („мы“) въ грамотѣ, писанной уже послѣ того, какъ выборные съѣхались,—отъ „совѣта всей земли“. Отсюда слѣдуетъ, что въ составѣ собора онъ продолжалъ оставаться какъ бы самостоятельной группой.

Но документы позволяютъ сдѣлать шагъ еще дальше: не только установить въ извѣстныхъ случаяхъ параллельность существованія служебнаго и выборнаго элементовъ, но и опредѣлить приблизительно ихъ положеніе въ конституціи собора или ихъ относительное значеніе. Въ этомъ отношеніи особый интересъ представляетъ Окружная грамота отъ 5 іюня до 1619 года⁴⁾. Тамъ сообщается, что по возвращеніи патріарха Филарета изъ плѣна, Михаилъ Феодоровичъ „съ отцомъ своимъ святѣйшимъ патріархомъ и съ митрополиты, и съ архіепископы, и съ епископы, и со всемъ Священнымъ соборомъ, и съ бояры, и съ окольникими, и съ думными людьми, и со всеми людьми Московскаго государства, учиня соборъ, говорили, „какъ бы исправить“ разныя недостатки въ управленіи и „земля устроить“. Рѣшено было, въ качествѣ одного изъ средствъ къ поставленной цѣли, вызвать въ Москву выборныхъ отъ населенія: „а изъ городовъ изъ всехъ для вѣдомости и устроенья указали есмя, читаемъ въ гра-

1) Утвержд. Грамота, стр. 68, 72.

2) Собр. Гр. и Дог., III т., № 2.

3) Дворц. Разр., т. I, стр. 7—8.

4) Собр. Гос. Гр. и Дог., III т., № 47.

Fragment of text from a library stamp, partially visible on the left edge of the page.

Изъ «Книги объ избраніи на царство Михаила Теодоровича».

«Великіи Государь Царь і великіи князь Михаилъ Теодоровичъ, всея великія Росіи самодержецъ, со всѣмъ Своимъ царскимъ сигклитомъ встрѣте отца своего Государева, великаго государя преосвященнаго митрополита Филарета Никишича

отъ царствующаго града въ пяти поприщахъ і честь достойную ему принося і главу, яко отцу і учителю, къ ногамъ его приклони, яко жъ древле целомудренній Іосиѡтъ отцу своему Іакову патриарху на конецъ жезла поклонися».

матѣ, взять къ Москвѣ, выбравъ... изъ всякаго города изъ духовныхъ людей по человѣку, да изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ по два человѣка, да по два человѣка посадскихъ людей, которые бы умѣли разсказать обиды и насильства и разоренье“. Какъ охарактеризовать юридически то, что здѣсь произошло? Держась привычки мыслить старину въ образахъ современности, мы должны были бы сказать, что имѣемъ передъ собой обычную, при нѣкоторомъ, правда, отступленіи отъ конституціонныхъ формъ, смѣну представительнаго состава: одинъ соборъ, заканчивая свою сессію, дѣлаетъ постановленіе произвести выборы для другого собора. Несомнѣнно, такая формулировка не соотвѣтствовала бы дѣйствительности. По точному смыслу грамоты, вызовъ „добрыхъ и разумныхъ людей“ изъ городовъ былъ новой мѣрой, которую правительство, желая упорядочить жизнь страны, предпринимаетъ наряду съ другими мѣрами и которой непосредственно передъ тѣмъ оно не располагало. Соборъ, принявшій это рѣшеніе, былъ, очевидно, соборомъ стараго типа, т. е. официальнымъ, и грамота не даетъ даже почувствовать, что его дальнѣйшая судьба какъ-нибудь связана съ призывомъ выборныхъ людей. Да и что бы могла означать въ примѣненіи къ нему смѣна состава? На такіе соборы приглашаются не лица, а чины, которые всегда—одни и тѣ же, и пока производятся выборы, великій государь, можетъ-быть, еще не разъ позоветъ ихъ на совѣтъ. Нельзя, поэтому, съѣздъ выборныхъ приравнивать къ открытію новаго собора: выборные пріѣдутъ и заявятъ государю о своихъ „обидахъ“,—это—самый важный моментъ ихъ роли: о немъ только и говоритъ грамота, какъ будто даже не предусматривая, будутъ они участвовать на соборахъ, или нѣтъ. Только по перечнямъ соборныхъ актовъ, обычно обнимающимъ обѣ категоріи членовъ собора, мы можемъ думать, что выборные люди присоединялись къ московскимъ чинамъ, но въ такой постановкѣ они являются всего лишь случайнымъ добавленіемъ къ служебному составу собора, —побочной пристройкой къ главному зданію. Приблизительно съ одинаковымъ значеніемъ выборный элементъ выступаетъ въ документахъ, относящихся къ собору 1648 г. Этотъ

Патріархъ Филаретъ. (Изъ царскаго Титулярника).

соборъ принято считать наиболѣе яркимъ моментомъ въ исторіи соборнаго представительства, и противъ такой оцѣнки трудно возражать, если имѣть въ виду продуктъ его дѣятельности—Соборное Уложение и размѣры вліянія выборныхъ людей на содержаніе этого памятника. Но, важное практически, значеніе представителей земли совмѣщалось съ очень скромнымъ юридическимъ положеніемъ на соборѣ. При созывѣ собора имѣлось въ виду „написать и изложить общимъ совѣтомъ“ статьи „на всякія расправныя дѣла“, т.-е. составить сводъ дѣйствующаго права. Этотъ общій совѣтъ осуществлялся тѣмъ путемъ, что законодательный процессъ разбивался на двѣ стадіи: съ одной стороны, комиссія кн. П. П. Одоевскаго подготавливала проектъ Уложения, а съ другой—царь съ Освященнымъ соборомъ и думными людьми слушалъ и давалъ утвержденіе. Въ этой организаціи выборные люди не заняли самостоятельнаго положенія: они присоединены были къ комиссіи кн. Одоевскаго. Такъ и выражались въ официальныхъ документахъ, если хотѣли точно обозначить положеніе выборныхъ: „а быти имъ на Москвѣ въ приказѣ у бояръ (у кн. Одоевскаго съ товарищи) для государевыхъ и земскихъ дѣлъ“¹⁾, „былъ на Москвѣ у государева и земскаго дѣла въ приказѣ з бояры...“²⁾ Конечно, представители сословіи своими челобитьями, а, можетъ-быть, и личными справками, давали составителямъ проекта необходимый матеріалъ для „докладовъ на верхъ“, и отсюда возникли новыя статьи; но все это не выводитъ комиссію (или, по тогдашнему выраженію, приказъ) кн. Одоевскаго изъ ранга вспомогательнаго органа, который вызванъ былъ къ жизни временной потребностью и не былъ органической частью постоянно дѣйствующаго учрежденія. Совершенно также должна быть оцѣнена и роль выборныхъ людей, разъ они были причислены къ комиссіи, и едва ли она становится юридически болѣе значительной отъ того, что Уложение, въ окончательномъ его видѣ, было имъ „чтено“ въ общемъ заключительномъ засѣданіи, въ присутствіи кн. Долгорукого. При свѣтѣ этихъ выводовъ особую выразительность пріобрѣтаетъ отрывокъ изъ грамоты на Тотму отъ 11 іюня 1617 г., въ которой также изображены стадіи соборнаго приговора: „и по нашему указу, читаемъ здѣсь, власти и бояре наши, говоря съ московскими з гостями и съ торговыми и со всякими людьми, приговорили...“³⁾ „Власти и бояре“—рѣшающая инстанція, выборные люди—вспомогательная при ней,—такъ характеризовало правительство соотношеніе двухъ элементовъ собора еще на первыхъ порахъ выборнаго представительства.

Положенію, какое выборный элементъ занималъ въ соборной конституціи, соответствуетъ и то конкретное назначеніе, какое указывало земскимъ людямъ

1) Латкинъ, „Матеріалы“, 57 стр. и др.

2) Ibid.

3) С. Б. Веселовскій, „Семь сборовъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ“, прилож., № 63.

правительство. Несомненно, въ первые годы царствованія новой династїи земскїй соборъ игралъ чрезвычайно большую роль въ жизни государства. Въ глазахъ общества онъ пользовался такимъ авторитетомъ, что иногда даже офиціально ставился рядомъ съ верховной властью: въ царскихъ грамотахъ того времени не рѣдкость встрѣтить ссылку на „всенародный“ приговоръ. Можно думать, что этимъ своимъ значеніемъ земскїй соборъ былъ въ значительной степени обязанъ присутствію въ его составѣ выборныхъ людей. Было бы, однако, ошибкой характеризовать подобными чертами вообще полномочія выборнаго представительства. Задача, для которой призывались съ самаго начала выборные люди, была довольно спеціальной: она состояла въ избраніи царя. Но ни въ призывныхъ грамотахъ, ни въ обширной перепискѣ земскаго „совѣта“ съ новоизбраннымъ царемъ нѣтъ мысли о томъ, что земскіе люди предназначаются для участія въ управленіи. Это было, можетъ-быть, непредвидѣннымъ расширеніемъ задачи, если фактически имъ пришлось потомъ выступить въ роли органа управленія рядомъ съ служебными чинами, — расширеніемъ, которое вызывалось желаніемъ правительства, въ виду слабости собственныхъ средствъ, усилить вѣсь своихъ мѣропріятій авторитетнымъ голосомъ избранниковъ земли. Однако, по мѣрѣ того, какъ въ правительствѣ крѣпнеть чувство увѣренности въ своихъ силахъ, оно все рѣже пользуется моральнымъ авторитетомъ „все-ленскаго совѣта“, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и назначеніе земскихъ людей, все замѣтнѣе принимая характеръ простой освѣдомительной функціи. Это новое назначеніе уже очень ясно выражено въ разсматривавшейся ранѣе окружной грамотѣ 1619 года: „а выборныхъ бы естя людей, говорится здѣсь, отпустили бы къ намъ въ Москву не мѣшкая, чтобъ намъ и отцу нашему и богомольцу о всемъ новгородскомъ разореньи было вѣдомо, и, выслушавъ отъ нихъ челобитья, учали бы есмь, прося у Бога милости, говорити и промысляти о нихъ ко всякому добру“, или, какъ еще выразительнѣе отгѣняетъ роли обѣихъ сторонъ такая же грамота въ Галичѣ: „а мы, Великій Государь, съ отцомъ своимъ и богомольцомъ... совѣтовавъ, по ихъ челобитью... учнемъ о Московскомъ государствѣ промысляти“¹⁾. Итакъ, бывший членъ полномочнаго собранія сталъ челобитчикомъ о нуждахъ и „разореньи“ своей мѣстности. Эта его роль для правительства теперь была цѣннѣе; безпрерывныя финансовыя затрудненія, испытываемыя правительствомъ въ теченіе XVII вѣка, требовали отъ него, возможно полной, освѣдомленности въ положеніи мѣстныхъ дѣлъ, а, можетъ-быть, создавали также нужду и въ прямомъ содѣйствіи мѣстныхъ людей: той и другой потребности и должны были удовлетворять выборные люди. Любопытную иллюстрацію къ тому наклонному пути, какой прошелъ избранникъ земли,

1) „Акты Арх. Эксп.“, т. III, № 105.

спускаясь съ высотъ морально-политическаго авторитета на скромную ступень свѣдущаго человѣка, даетъ исторія пятинныхъ сборовъ. Первый сборъ пятинной денъги былъ назначенъ въ 1614 году по царскому указу и соборному приговору. Пятинщики, прїѣзжая на мѣста, должны были передавать населенію грамоты—одну отъ государя, другую отъ собора¹⁾: очевидно, авторитетъ собора считается необходимымъ для обезпеченія сбора. Второй сборъ въ апрѣлѣ 1615 г. былъ установленъ безъ участія выборныхъ людей. Правительство было уже достаточно авторитетнымъ, чтобы взять эту мѣру на себя. Однако къ концу 1615 г. стала выясняться неудовлетворительность организаціи сборовъ, въ силу чего поступленія затягивались²⁾. Въ началѣ 1616 г. былъ назначенъ третій сборъ, но на этотъ разъ снова вызваны были выборные люди: ихъ указанія, основанныя на знакомствѣ съ условіями мѣстнаго быта и хозяйства, должны были устранить недочеты въ постановкѣ дѣла, и, дѣйствительно, какъ выражается грамота на Тотьму, чины собора „межъ себя о томъ совѣтовали и думали по многіе дни“³⁾. Еще уже роль выборныхъ людей при назначеніи 4-го сбора: по знакомой намъ грамотѣ на Тотьму отъ 11 іюня 1617 г., активной стороной въ постановленіи приговора являются „власти и бояря“, земскіе же люди выступаютъ лишь съ значеніемъ стороны, дающей справку или показаніе. Въ двухъ другихъ грамотахъ о сборѣ 4-й пятины дѣлается ссылка только на боярскій приговоръ, а о выборныхъ людяхъ не упоминается совсѣмъ. Наконецъ, въ указахъ о пятомъ сборѣ нѣтъ уже никакихъ слѣдовъ участія собора: это значитъ, что предыдущіе сборы снабдили правительство достаточнымъ запасомъ опыта, и оно пока не нуждалось въ помощи свѣдущихъ людей. Такъ было, повидимому, и въ другихъ случаяхъ: обращались къ населенію, когда жизнь выходила изъ привычной колеи и ставила правительству задачи, которыя оно затруднялось рѣшить, не освѣживши своего опыта, т.-е. своихъ знаній о положеніи страны и способовъ воздѣйствія на населеніе. Перемѣна въ назначеніи выборнаго элемента соборовъ сказала даже на терминологіи: хорошо извѣстный официальному языку въ послѣдній періодъ Смуты и въ первые дни новой династіи терминъ „совѣтъ всея земли“ или „вся земля“ скоро перестаетъ встрѣчаться въ документахъ.

Становясь освѣдомительнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства, представители „земли“ постепенно усваиваютъ себѣ черты, которыя роднятъ ихъ съ представителями официального міра. Представительство начинаетъ разсматриваться, какъ своего рода служба, за которую, какъ и за всякую другую, можно получать государево жалованье и просить наградъ. Сохранилось много челобитныхъ съ такимъ содержаніемъ, особенно отъ 1648—9 гг.: въ

1) Веселовскій, I. с., стр. 36.

2) Ibid., 2-я гл., также стр. 60.

3) Ibid., прилож., № 56.

однихъ „бьютъ челомъ“ выборные дворяне о денежномъ жалованьи или о награжденіи чиномъ, въ другихъ—выборные посадскіе люди о доступной для нихъ „государской милости“—правъ безошлнно курить вино или топить баню. Но краснорѣчивѣй содержанія самый тонъ, какимъ написаны челобитныя этихъ законодателей. „Прибтели, Государь, мы, бѣдные и разоренные холопи твои изъ городовъ, пишуть, напр., въ коллективной челобитной дворяне 6 городовъ, бояся твоего, Государева, страху, спѣша къ указаному сроку къ тебѣ, Государю, къ Москвѣ безъ запасны... И нынѣ, Государь, мы, бѣдные и до конца разоренные холопи твои, ожидая на Москвѣ твоего, Государева, и земскаго дѣла вершенья, волочась со всякихъ нуждъ и голодомъ помираемъ. Милосердый и праведный Государь, помилуй насъ, вели, Государь, свое, Государево, жалованье дати намъ, чтобы голодомъ не помереть“¹⁾. А вотъ представитель посада, холмогорецъ Васка Оилатовъ, служившій раньше по выбору посадскихъ людей таможеннымъ цѣловальникомъ, человекъ бывалый и, видимо, состоятельный, проситъ Государя: „пожалуй меня, сироту своего, выборнаго за мою службу, вели, Государь, чтобы стояльцы никакіе на дворинко мое не ставилися, и ните мнѣ на Холмогорахъ, вино и пиво, варить про себя и держать безпенно и безошлнно. Царь, Государь, смилуйся, пожалуй“²⁾. Но разъ, такимъ образомъ, „служба по выбору“ стала рисоваться обывателю въ привычныхъ краскахъ государственной повинности, которую надо исполнять, „бояся государева страху“, то не замедлило произойти сближеніе между столь различными областями и въ другихъ отношеніяхъ. Если раньше правительству приходилось постоянно жаловаться на уклоненіе служилыхъ людей отъ военной повинности, то довольно скоро оно столкнулось съ такимъ же отношеніемъ и къ выборамъ. Въ представительствѣ избиратели видятъ свою обязанность, не чувствуя въ немъ своего права, и потому не является неожиданностью, если мы узнаемъ, что воеводамъ иногда только съ помощью пушкарей и стрѣльцовъ удавалось заставить населеніе осуществлять свои избирательныя права. Съ другой стороны, назначеніемъ, какое получили выборные люди, объясняется и та заботливость, съ какой правительство оберегаетъ свободу выборовъ. Выборные несли ему не рѣшенія и не критику, а свое знаніе мѣстной жизни и готовность содѣйствовать его желаніямъ; по этому фальсифицировать выборы значило бы съ его стороны затемнить себѣ дорогу, освѣтить которую оно имѣло въ виду съ ихъ помощью. Впрочемъ, одинъ разъ, на соборѣ 1642 года, правительство услышало очень суровый приговоръ надъ своей политикой; но этотъ случай, надо думать, былъ для него такимъ же сюрризомъ, какимъ онъ остается и для современнаго изслѣдователя.

¹⁾ Латкинъ, „Матеріалы“, стр. 51.

²⁾ Готье, I. с., стр. 64.

Заимствуя нѣкоторыя черты, характеризующія служебное представительство, выборный элементъ косвеннымъ образомъ содѣйствовалъ въ свою очередь существенной перемѣнѣ въ положеніи официальнаго элемента въ составѣ собора, обозначившейся къ половинѣ вѣка. Въ XVI вѣкѣ столичные чины, призывавшіеся по своему служебному значенію, являлись на соборъ въ наличномъ своемъ составѣ, участвуя въ соборныхъ засѣданіяхъ на одинаковыхъ началахъ съ думными людьми, въ присутствіи государя. Такой порядокъ соблюдался и въ началѣ XVII вѣка. Но въ 1642 году мы замѣчаемъ важную перемѣну: призванные на соборъ обычнымъ порядкомъ, служилые чины, въ цѣляхъ лучшаго выясненія вопроса, были разбиты на комиссіи, при чемъ составъ каждой опредѣлялся путемъ выбора ¹⁾. Отсюда оставался уже одинъ шагъ до примѣненія къ служилымъ группамъ выборнаго принципа въ полномъ объемѣ, и такой шагъ былъ сдѣланъ въ 1648 г.: въ этомъ году поголовно были призваны на соборъ только думные чины, а остальные служилые чины: стольники, стряпчие, дворяне московскіе и проч., должны были избирать изъ своей среды представителей въ опредѣленномъ, сравнительно небольшомъ, числѣ. Эта перемѣна, вѣроятно, была вызвана сильнымъ количественнымъ ростомъ столичнаго дворянства, который дѣлалъ созывъ его представителей на прежнихъ началахъ неосуществимымъ; но, сближая служилый элементъ собора съ земскимъ или выборнымъ въ одномъ отношеніи, она проложила путь къ сближенію ихъ и въ другомъ: и въ самой конституціи собора первый начинаетъ занимать такое же положеніе, какъ и послѣдній, т.-е. отодвигается на задній планъ. Въ 1648 г. одни думные чины засѣдаютъ съ государемъ, а служилые всѣ причислены къ приказу кн. Одоевскаго вмѣстѣ съ выборными людьми. Перемѣна чувствуется и въ организаціи собора 1651 г. Въ соборномъ актѣ послѣ изложенія обстоятельствъ, побудившихъ къ созванію послѣдняго, читаемъ: „И по государеву указу, стольникамъ и стряпчимъ, дворянамъ московскимъ“ — короче: всѣмъ чинамъ, кончая „выборными торговыми людьми“ — „въ столовой избѣ по сему письму объявлено. А Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея Руси въ то время былъ, а при немъ, Государь, бояре и думные люди въ столовой избѣ“ ²⁾. Разница характерная: раньше государь указывалъ „быти на соборѣ при себѣ, Государь“, всѣмъ членамъ собора до торговыхъ и всякихъ чиновъ людей включительно ³⁾, — а теперь „при немъ, Государь“, только бояре и думные люди, остальные отъ него отдѣлены; раньше самъ государь обращался съ рѣчью ко всѣмъ присутствующимъ, и тѣ въ свою очередь — люди большихъ и малыхъ чиновъ — „на

¹⁾ О соборѣ 1642 г. см. мою статью, „Къ вопросу о составѣ и значеніи земскихъ соборовъ“. «Журн. Мин. Нар. Пр.», 1910 г., июнь.

²⁾ Латкинъ, „Матеріалы“, стр. 81—87.

³⁾ См. Г. Г. и Д., III т., № 99 и др.

соборъ говорили¹⁾), теперь же служилые чины и выборные люди были призваны въ столовую избу какъ будто для того только, чтобы имъ, въ присутствіи государя, „по сему письму объявлено было“. Эта картина новаго строя соборнаго представительства находитъ себѣ дополненіе и отчасти—объясненіе въ обстоятельствахъ, при какихъ состоялся соборъ 1653 года. Соборъ былъ назначенъ на 1 октября, праздникъ Покрова Богородицы. По сообщенію соборнаго акта, государь пришелъ „для собора“ въ Грановитую палату „отъ праздника, отъ Покрова Пресвятыя Богородицы“, т.-е. отстоявъ обѣдню. Сначала, „по указу Государя“, было „чтено всѣмъ вслухъ“ о „неправдахъ“ короля Яна Казимира и о предложеніи Богдана Хмельницкаго, и послѣ чтенія „б о я р е, читаемъ въ актѣ, п р и г о в о р и л и: за честь Великаго Государя стояти и противъ польскаго короля война вестъ“. Вслѣдъ за тѣмъ и остальные члены собора были „допрашиваны жъ по чинамъ, порознь“, при чемъ служилые люди заявили о своей готовности „биться, не щадя головъ своихъ“, а торговые люди обѣщали „вспоможенъе“, добавивъ, что они также „за государскую честь головами своими ради помереть“. Всѣ эти подробности не оставляютъ, думается, сомнѣнія въ томъ, что соборное засѣданіе заняло небольшую часть дня, и что отъ „всякихъ чиновъ людей“, въ томъ числѣ—и служилыхъ, правительству нужно было получить не совѣтъ, а просто заявленіе о согласіи, становившееся обязательствомъ, жертвовать „головами“ и „вспоможенъемъ“. Самое же рѣшеніе вопроса, вѣроятно, заранѣе и заготовленное, принадлежало боярамъ. Тотъ же, конечно, смыслъ имѣло „чтеніе письма“ на соборѣ 1651 года, и подобный же, т.-е. желаніе заручиться обязательствомъ исполнять,—„чтеніе“ Уложения въ 1648 году. Во всѣхъ этихъ случаяхъ одинаковое разстояніе отдѣляетъ служилые чины и земскихъ людей отъ правящаго круга, ставя первыхъ на одинаковый уровень политическаго значенія²⁾).

Итакъ, съ самаго начала XVII вѣка земскій соборъ обнаруживаетъ двойственный характеръ, объединяя въ своемъ составѣ офиціальныи эле-

1) Ibid.

2) Интересно сопоставить съ этимъ характеристику церковныхъ соборовъ 16—17 в., которую находимъ въ книгѣ П. О. Каптерева, „Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ“ (т. II, стр. 108—9): „Въ дѣйствительности нашимъ архіереямъ на соборахъ XVI и XVII столѣтій принадлежала самая скромная, малодѣятельная и маловліятельная роль. Они являлись на соборъ вовсе не потому, что у нихъ самихъ, или въ средѣ ихъ паствы, назрѣвала настоятельная потребность соборно обсудить и порѣшить тѣ или другіе выдвинутые жизнью вопросы, а единственно потому, что явиться на соборъ имъ приказывалъ царь, такъ что они являлись на соборъ только въ силу своего офиціального положенія, а не по своимъ внутреннимъ влеченіямъ или убѣжденіямъ, или какъ представители голоса, нужды и интересовъ своей паствы. Являясь изъ своихъ епархій на соборъ, они совсѣмъ не были подготовлены къ рѣшенію соборныхъ вопросовъ... На соборъ имъ давался уже готовый и болѣе или менѣе обработанный предсоборной комиссіей матеріалъ, при чемъ въ работахъ ими руководили лица, ранѣе назначенныя царемъ и несравненно лучше и больше ихъ знавшія... Они не смѣли... расширять рамки тѣхъ вопросовъ, которые имъ были поставлены; ихъ разсужденія должны были вращаться въ тѣхъ предѣлахъ, какіе строго и опредѣленно были указаны царемъ“.

ментъ и земскій. Первый можно назвать основнымъ по его устойчивости и вліянію, второй представляется болѣе или менѣе случайнымъ. Тотъ и другой восполняютъ правительству недостатокъ въ средствахъ управленія, но каждый—по преимуществу въ своей области: служилые чины—содѣйствуя, въ качествѣ привычнаго административнаго аппарата, осуществленію правительственныхъ мѣропріятій, земскіе люди—доставляя ему, въ качествѣ мѣстныхъ обывателей, необходимыя свѣдѣнія о состояніи страны. Съ теченіемъ времени, однако, между обоими элементами собора происходитъ извѣстная ассимиляція, при чемъ они взаимно обмѣниваются своими признаками, и вмѣстѣ съ этимъ наблюдается перемѣна въ соборной организаціи: линія раздѣла, проходившая раньше между представителями официальнаго и выборнаго начала, передвигается выше, оставляя около государя только правящую группу съ значеніемъ основного ядра, а всѣхъ остальныхъ членовъ ставя въ положеніе случайнаго или временнаго добавленія. Съ этой точки зрѣнія боярскія комиссіи съ сословными представителями, которыми стали во второй половинѣ XVII вѣка замѣнять соборы, были только наиболѣе яркимъ моментомъ давно начавшагося процесса.

IV.

Предшествующее изложеніе имѣло цѣлью установить признаки, характеризующіе земскій соборъ, какъ учрежденіе, путемъ анализа данныхъ, относящихся непосредственно къ его составу и его дѣятельности. Но всякое учрежденіе многообразными нитями связано съ современной ему дѣйствительностью, потребностями которой оно вызвано къ жизни и своеобразіе которой оно отражаетъ въ своей организаціи. Въ виду этого характеръ учрежденія долженъ выступить яснѣе, если, не ограничиваясь юридическимъ анализомъ, разсматриваемъ его въ соответствующей исторической обстановкѣ: она можетъ досказать намъ то, о чемъ умалчиваютъ прямые источники. Такой приѣмъ въ примѣненіи къ земскимъ соборамъ, можетъ-быть, особенно умѣстенъ, въ виду скудости и неопредѣленности относящихся къ нимъ прямыхъ данныхъ.

Моментъ возникновенія соборовъ падаетъ приблизительно на половину XVI вѣка. Уже извѣстныя намъ особенности соборной организаціи, сложившейся въ это время, показываютъ, что соборъ зародился въ официальной обстановкѣ, съ самаго начала былъ приспособленъ болѣе къ нуждамъ власти, чѣмъ къ потребностямъ общества. Значитъ, и условія, его вызвавшія, должны скрываться не столько въ состояніи русской общественности того времени, сколько въ задачахъ русской государственности.

Къ началу XVI вѣка закончился процессъ объединенія русской земли подъ властью московскаго князя. Удѣльную раздробленность долженъ былъ

смѣнить государственный порядокъ. Этотъ процессъ своими конечными результатами вполне отвѣчалъ національной потребности, но по способу своего осуществленія шелъ поверхъ основного населенія, являясь по преимуществу одностороннимъ дѣйствіемъ московской политики. И потому порядокъ, въ которомъ видимымъ образомъ воплощалось достигнутое единство, на первыхъ порахъ очень мало затрагивалъ внутреннія отношенія объединенныхъ областей. По существу онъ заключался въ томъ, что въ составъ населенія введенъ былъ новый классъ съ официальнымъ характеромъ — служилые люди, частью въ видѣ помѣщиковъ, владѣвшихъ землей въ непосредственной личной зависимости отъ князя московскаго, частью въ видѣ кормленщиковъ, въ награду за службу получавшихъ отъ него во временное пользованіе ту или другую публичную функцію съ ея доходами. Созданная нуждами удѣльнаго князя-вотчинника, эта система удерживалась московскими князьями и тогда, когда ихъ княжество стало національнымъ государствомъ. Къ половинѣ XVI вѣка она успѣла, однако, обнаружить свою негодность въ роли государственнаго порядка, вызвавъ сознаніе необходимости другой, которая лучше бы соотвѣтствовала новому значенію Москвы. Реформы Грознаго въ значительной степени и вышли изъ этого сознанія, положивъ начало порядку, въ которомъ мѣсто частно-правовыхъ отношеній заступили болѣе объективныя, общеобязательныя нормы. Обязательная служба, установившаяся раньше, на тѣхъ или другихъ условіяхъ, путемъ частнаго соглашенія государя съ вольнымъ человѣкомъ, была перенесена съ лица на землю, въ силу чего самый фактъ владѣнія — на помѣстномъ или вотчинномъ правѣ безразлично — сталъ налагать на владѣльца повинности въ точно опредѣленныхъ размѣрахъ. Такимъ образомъ, въ положеніи служилого человѣка объективный экономическій принципъ заслонилъ собою прежнее субъективное основаніе — договоръ, и служба изъ личнаго обязательства стала государственной повинностью. Одновременно съ этой была произведена другая реформа, можетъ-быть, подсказанная первой. Отмѣнена была система кормленій, являвшаяся наиболѣе яркимъ выраженіемъ частно-правовыхъ отношеній въ политикѣ и теперь оказывавшаяся въ противорѣчій съ новой постановкой государственной службы. Кормленщики были выведены изъ провинцій, и ихъ административныя функціи были переданы самоуправляющимся общинамъ въ лицѣ выборныхъ властей, которыя становились чрезъ то замѣстителями государственной власти. Этими двумя реформами подъ государственное зданіе подведенъ былъ новый фундаментъ; но онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ затрогивали и вершину зданія, такъ какъ могли быть осуществлены лишь подъ условіемъ соотвѣствующихъ перемѣнъ въ высшемъ управленіи. Наверху, въ качествѣ правящаго класса, стояло боярство, являясь объединительнымъ органомъ, къ которому сходились все пути управленія. Но оно могло выполнять свою задачу только при прежней постановкѣ службы,

съ помощью разсылавшихся во всѣ концы кормленщиковъ. Служебная реформа, сдѣлавъ служилыхъ людей землевладѣльцами и связавъ ихъ службу съ мѣстомъ земельного владѣнія, должна была разбросать ихъ по всѣмъ уѣздамъ государства и тѣмъ самымъ произвести брешь въ системѣ высшаго управленія. Центру грозила опасность быть отрѣзаннымъ одновременно — и отъ военно-служилого класса и отъ самоуправляющихся общинъ.

Реформы Грознаго вводились не вдругъ, путемъ частичныхъ измѣненій. Несомнѣнно, имъ предшествовали тщательныя обсужденія въ правящей средѣ, чѣмъ достигалась извѣстная согласованность отдѣльныхъ мѣропріятій. Но мысль о реформѣ изъ правящаго круга проникла и въ общество, вызвавъ появленіе своеобразной публицистической литературы. Въ произведеніяхъ этой литературы мы находимъ, съ одной стороны, рѣзкую критику аристократическаго строя общества и управленія, въ которой, можно думать, сказалось сознаніе переживавшагося тогда правительственнаго кризиса („Челобитная Ивашки Пересвѣтова“), а съ другой — попытку рѣшить стоявшій на очереди вопросъ о преобразованіи высшаго управленія, — попытку, которая показываетъ, что идея земскаго собора уже носилась въ воздухѣ. Авторъ политическаго памфлета, извѣстнаго подъ названіемъ „Иного сказанія Бесѣды Валаамскихъ Чудотворцевъ“, видитъ выходъ въ учрежденіи „единомысленнаго вселенскаго совѣта“; онъ увѣренъ, что „Царство Московское придетъ во благоденство“, если царь „безъ величества и безъ высокоумія гордости“ будетъ „погодно“ собирать людей „всякихъ мѣръ“ „отъ всѣхъ градовъ своихъ и отъ уѣздовъ городовъ тѣхъ“ и „добрѣ“ спрашивать ихъ „про всякое дѣло міра сего“. вмѣстѣ съ тѣмъ царю рекомендуется держать при себѣ „разумныхъ, мудрыхъ и надежныхъ воеводъ и вонновъ“, не разлучаясь съ ними „ни на одинъ день“. Такъ заполнялась въ проектѣ публициста XVI в. пропасть между центромъ и периферіей, которой угрожала реформа служилого класса.

Московское правительство вышло изъ затрудненія нѣсколько иначе. Строго говоря, вопросъ былъ предрѣшенъ своеобразной мѣрой, принятой Грознымъ въ 1550 г. Въ этомъ году велѣно было отобрать изъ разныхъ уѣздовъ дѣтей боярскихъ, „лучшихъ слугъ“, 1000 человекъ и надѣлать ихъ помѣстьями въ Московскомъ и смежныхъ съ нимъ уѣздахъ. Всѣ они предназначались, по выраженію указа, для „посылокъ“, т.-е. для разныхъ военно-административныхъ порученій. Вѣроятно, нѣсколько позднѣе, въ связи съ проведеніемъ служилой реформы, правительство стало вызывать съ той же цѣлью, въ дополненіе къ „тысячѣ“, и другихъ „лучшихъ“ служилыхъ людей изъ провинціи — такъ называемый „выборъ“. Въ результатѣ подъ рукой у правительства оказался довольно многочисленный контингентъ лицъ, черезъ которыхъ оно имѣло возможность поддерживать постоянную связь съ разными пунктами государства и въ нужныхъ случаяхъ оказывать на мѣстную

жизнь свое воздѣйствіе. Благодаря этому реформа служилого класса могла быть выполнена безъ всякихъ потрясеній въ высшемъ управленіи: выпадавшія, съ отмѣной кормленій, части правительственнаго механизма немедленно замѣнялись новыми, болѣе приспособленными къ назначенію цѣлаго. Такъ образовался совершенно особый общественный слой, который, являясь административнымъ посредникомъ между властью и населеніемъ, служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ проводникомъ единства въ управленіи, и теперь надо было дать ему такое юридическое положеніе, которое наилучшимъ образомъ обезпечило бы ему выполненіе его задачи. Важно было, чтобы между правительствомъ и этой группой его агентовъ въ ея цѣломъ сохранялась постоянная непосредственная связь, и вотчинная традиція указала ту форму, которая дѣлала подобную связь осуществимой: это—дворъ государевъ. Принято говорить, что „тысяча“ вошла въ составъ столичнаго дворянства: это должно означать не то, что всѣ дѣти боярскія изъ тысячи сдѣланы были „дворянами“, такого числа не было столичныхъ „дворянъ“ даже въ XVII вѣкѣ,—но то, что онѣ получили, вмѣстѣ съ „выборомъ“, доступъ ко двору государя. Подобно столичнымъ чинамъ, и для нихъ были отведены, повидимому, особыя мѣста при дворѣ, которыя они должны были занимать во время придворныхъ церемоній. Одновременно съ провинціальными служилыми людьми на государевомъ дворѣ появляются официальные представители торгово-промышленнаго населенія Москвы,—надо думать, также въ качествѣ посредниковъ между властью и обществомъ—въ своей области. Такимъ образомъ, при Грозномъ дворѣ, не въ бытовомъ, а въ юридическомъ смыслѣ, сталъ включать въ себя всю официальную Москву. Въ этомъ составѣ его чаще всего можно было наблюдать въ какихъ-нибудь торжественныхъ случаяхъ, когда (напр., при приѣмѣ пословъ) царскій тронъ долженъ былъ выступать въ полномъ блескѣ. Тогда можно было замѣтить—не у самаго трона, гдѣ располагались важныя чины, а подалеже—„въ сѣняхъ на лавкахъ“ или „по крыльцу“, и „гостей въ золотѣ“, и „дворянъ изъ городовъ въ цвѣтномъ платьѣ“, и „сотенныхъ торговыхъ людей“¹⁾. Но въ томъ же составѣ дворъ становился политическимъ учрежденіемъ, если причиной собранія служилъ не случай бытоваго характера, а государственный вопросъ. Право государя, какъ понималъ его Грозный, „хотѣніе свое творити отъ Бога повиннымъ рабомъ“ (т.-е. подданнымъ), страдало такъ же мало, когда онъ звалъ этихъ рабовъ, чтобы они сказали ему „свою мысль“, какъ и тогда, когда онъ окружалъ ими свою особу, чтобы придать своимъ выходамъ нужный блескъ. Такъ опредѣлилась форма „единомысленнаго вселенскаго совѣта“, въ которой „высокоуміе гордости“ самодержавнаго царя примирилось съ участіемъ общественныхъ силъ страны въ управленіи государствомъ: желаніе автора „Иного Сказанія“ осуществилось, но въ своеобразной постановкѣ.

¹⁾ См., напр., „Русск. Истор. Библ.“, т. IX, стр. 432—3.

По составу и характеру соборъ былъ, прежде всего, принадлежностью придворной жизни и потому, вѣроятно, гораздо болѣе привычнымъ явленіемъ, чѣмъ принято думать, привычнымъ настолько, что развѣ лишь по связи съ исключительными событіями привлекалъ вниманіе придворныхъ хроникеровъ или лѣтописцевъ. Въ лѣтописи разсказъ о соборѣ 1566 года начинается такъ, какъ будто рѣчь идетъ о самомъ обычномъ явленіи: „28 іюня Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ говорилъ со княземъ Володимеромъ Ондрѣвичемъ и съ своими богомольцы“ и т. д. ¹⁾ Это и понятно: разнообразныя проявленія политической жизни, сосредоточиваясь по существу въ ограниченномъ кругу лицъ, какимъ былъ государевъ дворъ, легко сливались съ чисто бытовыми явленіями, теряя разграничительныя черты. Читая записи того времени о разныхъ событіяхъ придворной и собственно политической жизни,—какъ будто всегда видишь передъ собой дѣйствующимъ одно и то же учрежденіе, которое позволяетъ различать только поводы для собраній, да еще, можетъ быть, костюмы участвующихъ лицъ. Вотъ одинъ изъ многихъ возможныхъ примѣровъ. Вскорѣ послѣ возвращенія митрополита Филарета изъ плѣна въ Москву, столичные чины „приходили къ государю и говорили“ о томъ, чтобы отецъ его „принялъ святительскій престолъ патриаршескій“, и великій государь „съ Ерусалимскимъ патриархомъ Теофаномъ и Московскаго государства съ митрополиты, и съ архіепископы, и съ архимариты... и съ бояры, и съ окольныхчими, и думными людьми, и съ стольники, и съ стряпчими, и съ дворяны московскими, и съ приказными людьми, и съ дворяны и дѣтьми боярскими изъ городовъ, и съ гостями, и съ торговыми и всякихъ чиновъ людьми Московскаго государства приходилъ къ отцу своему и богомольцу и говорилъ и просилъ со всякимъ молениемъ“ ²⁾. Что это: соборъ, государственное учрежденіе, занявшееся частнымъ дѣломъ, или бытовая сцена, проведенная людьми, которые въ другой обстановкѣ составляютъ государственное учрежденіе? Разсматриваемый съ такой точки зрѣнія, соборъ является органомъ московскихъ государей, привычнымъ и постояннымъ въ такой же мѣрѣ, какъ окружающая его служилая среда.

Располагая, въ качествѣ исполнителей военно-административныхъ порученій, запасомъ опыта, чины, призывавшіеся на соборъ, своими знаніями могли, безъ сомнѣнія, углублять мотивы принимавшихся правительствомъ рѣшеній. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ значеніе могло идти и далѣе. Представляя изъ себя, въ полномъ составѣ, администрацію страны, они, по всегдашней склонности управителей подмѣнять собой личности управляемыхъ, могли казаться въ собственныхъ глазахъ, да и въ глазахъ правительства, замѣстителями населенія. По выраженію „соборнаго опредѣленія“, Бо-

¹⁾ Л. с., т. III, стр. 277.

²⁾ Книги Разрядныя, т. I, стр. 610—611.

рса Годунова поставила царемъ „вся земля“¹⁾, хотя въ составѣ избравшаго его собора были только лица официальные. Въ этой же подстановкѣ понятій лежитъ, вѣроятно, и главный источникъ чрезвычайныхъ политическихъ притязаній чиновной Москвы, ея увѣренности, что она въ правѣ рѣшать вопросы, касающіеся всего государства, какъ, напр., вопросы объ избраніи или низложеніи царя. Очень ярко охарактеризовалъ положеніе, занятое Москвой въ политической жизни страны, патриархъ Гермогенъ: противникамъ Шуйскаго, доказывавшимъ незаконность этого царя тѣмъ, что „князя-де Василья одной Москвой выбрали на царство, а иные города того не вѣдаютъ, онъ говорилъ: „дотогѣ Москвѣ ни Новгородъ, ни Казань, ни Астрахань, ни Псковъ, и некоторые города не указывали, а указывала Москва всѣмъ городамъ“²⁾. Значитъ, расширяя составъ двора включеніемъ общественной группы съ административнымъ значеніемъ, Иванъ IV сосредоточивалъ около себя силу, которая могла до извѣстной степени гарантировать ему исполненіе правительственныхъ мѣропріятій не только за себя, но и за „всю землю“. Мнѣніе этихъ лицъ, высказанное въ торжественномъ засѣданіи и скрѣпленное, какъ показываютъ соборные акты, присягой, и должно было служить такой гарантіей. Въ XVII в. такое значеніе административнаго авторитета официального собора выступаетъ съ особенной ясностью. Извѣстно, напр., съ какимъ трудомъ московское правительство собирало въ XVII в. разные экстраординарные налоги, отъ которыхъ почти не давало населенію передохнуть; и когда въ подобныхъ случаяхъ оно обращалось на соборъ къ официальнымъ его членамъ съ предложеніемъ дать денегъ или посылало ихъ „съ собору“ для сбора новаго налога, то, безъ сомнѣнія, оно имѣло при этомъ въ виду, что ихъ административное представительство давало имъ возможность оказывать желательное воздѣйствіе на населеніе. А отсюда слѣдуетъ, что и самая прочность собора въ его официальномъ составѣ должна

Патріархъ Филаретъ. Домъ бояръ Романовыхъ.

1) „Акты Арх. Эксп.“, т. II, № 6.

2) Ibid., № 169.

была находиться въ зависимости отъ устойчивости административнаго значенія соотвѣствующихъ общественныхъ группъ.

Такова историческая обстановка, въ которой сложился офиціальный типъ собора. Совѣтъ иные условия вызвали къ жизни земское выборное представительство. Оно возникло въ періодъ, когда нарушилось привычное теченіе жизни,—въ обстановкѣ, которая была создана Смутой.

Смута вызвала необычайную самодѣятельность въ населеніи—отъ крупныхъ городовъ до мелкихъ уѣздныхъ обществъ. Благодаря ей, вышли наружу тѣ противорѣчія, какими была проникнута социальная и политическая жизнь Московской Руси, и каждая общественная группа, по связи экономическихъ и социальныхъ интересовъ съ тѣмъ или другимъ политическимъ порядкомъ, оказалась вовлеченной въ борьбу, которая шла между политическими партіями. Смута была временемъ междоусобицъ, но она же явилась вмѣстѣ и школой солидарности. Если современники, пережившіе непосредственно ужасы „великой разрухи“, съ негодованіемъ говорятъ о проявленіяхъ взаимнаго ожесточенія и ненависти среди русскихъ людей, то мы, наблюдая ее издали, можемъ, наоборотъ, удивляться тому, сколько единодушія, при полной анархіи, обнаружено было отдѣльными мірами, которые поняли общность своихъ интересовъ. Объединяло, главнымъ образомъ, движеніе, имѣвшее цѣлью освобожденіе Москвы. Начавшись на сѣверѣ, оно постепенно разрасталось, захватывая все новыя и новыя области и сближая между собою пункты и районы, до того времени оставшіеся чуждыми и далекими другъ для друга. Но чѣмъ больше разрасталось это движеніе, тѣмъ яснѣе чувствовалось, что Москва теряетъ свое руководящее значеніе, и ея прежняя роль начинаетъ распределяться между пробудившимися къ политической жизни уѣздными мірами. Каждый уѣздъ, во главѣ съ городомъ, образуютъ самостоятельную политическую единицу, а ея организующимъ элементомъ являются административныя чины, изъ которыхъ иные по служебнымъ отношеніямъ принадлежали къ офиціальной Москвѣ и, можетъ быть, не разъ бывали на соборахъ. Призывныя грамоты, которыми обмѣниваются города во время Смуты, обыкновенно начинаются привѣтствіями, и въ перечняхъ чиновъ, отъ которыхъ или къ которымъ идутъ эти привѣтствія, на первомъ мѣстѣ стоятъ: духовныя чины, а за ними—воеводы, дворяне и дѣти боярскія, земскіе старосты и цѣловальники. Когда въ Нижній-Новгородъ пришла одна изъ троическихъ грамотъ, то нижегородскія власти учинили, по словамъ лѣтописца, на воеводскомъ дворѣ совѣтъ: „а на совѣтѣ томъ были Феодосій, арх. Печерскаго монастыря, Савва, Спасскій протопопъ, да иные попы, да Биркинъ, да Юдинъ, и дворянѣ и дѣти боярскіе, и голы и старосты, отъ нихъ же и Кузьма Мининъ“¹⁾. Совершенно ясно, что

¹⁾ С. Ф. Игатовъ, „Очерки по исторіи Смуты“, стр. 530.

совѣты въ такомъ составѣ даютъ намъ довольно точную копію земскихъ соборовъ того типа, какой мы наблюдали въ XVI вѣкѣ, конечно, съ отличіемъ въ іерархическомъ значеніи чиновъ, соответствующимъ разницѣ между столицей и уѣзднымъ городомъ. Отсюда и напрашивается мысль, что стоявшія во главѣ уѣзднаго управленія официальные лица играли при начавшемся движеніи организующую роль, имѣя передъ глазами знакомый имъ образецъ. Однако сила общественной инициативы не могла уложиться цѣликомъ въ эту казенную форму и сказалась появленіемъ въ составѣ совѣтовъ элемента, совершенно неизвѣстнаго официальному собору. Во всякой граматѣ перечень знакомыхъ намъ чиновъ заканчивается новымъ титуломъ—„всякихъ служилыхъ и жилацкихъ людей“, къ которымъ нерѣдко присоединяются „волюстные крестьяне“, иногда же вмѣсто всѣхъ этихъ группъ называется одна: „христоименитый народъ“. И это—не простая формула, какъ можно подумать на основаніи позднѣйшей соборной практики. Сохранилась грамота изъ Ярославля отъ 1611 года, подъ которой подписались лица, составлявшія тогда ярославскій городской совѣтъ: тамъ, за подписями духовныхъ и должностныхъ лицъ (отъ воеводы до цѣловальника), идутъ подписи, авторы которыхъ не поставили при своихъ именахъ никакихъ официальныхъ титуловъ, а одинъ прямо самъ назвался посадскимъ человѣкомъ, другіе же заставляютъ отнести себя къ этому разряду потому, что величаютъ себя слишкомъ просто для официальныхъ лицъ: Климъ, Володя ¹⁾). Очевидно, это—заурядные обыватели города или уѣзда, „жилацкіе люди“, которые попали на совѣтъ по общественному довѣрію, а не по служебному значенію.

Ярославскую грамоту можно считать исключеніемъ только въ томъ смыслѣ, что она сохранила подписи членовъ городского совѣта; но то явленіе, которое вскрывается благодаря этимъ подписямъ, было, безъ сомнѣнія, общимъ для всѣхъ городовъ. Наличие выборнаго элемента въ составѣ городскихъ совѣтовъ устанавливала близкую непосредственную связь между ними и населеніемъ, придавая имъ необычайную жизненность, а утрата съ паденіемъ Москвы политическаго центра сообщала самимъ городамъ давно забытое ими самостоятельное политическое значеніе. Получилась изумительная картина: во всѣхъ этихъ городахъ, отъ Вологды и Устюга до Казани и Перми, убогихъ и по внѣшнему виду, и по количеству населенія, и, наконецъ, по матеріальному достатку, забытыхъ и загнанныхъ Москвой, ключомъ кипѣла жизнь и неистощимымъ источникомъ забила неподдѣльный энтузіазмъ. Читая ихъ призывныя грамоты, съ трудомъ вѣришь, что носителями этого подъема и этой моральной стойкости были тѣ незамѣтные люди, размѣры политической правоспособности которыхъ еще наканунѣ опредѣлялись терминомъ: холопы. Теперь унижительный титулъ

¹⁾ „Акты Арх. Эксп.“, т. II, № 188.

исчезаетъ самъ собой, замѣняясь болѣе соответствующимъ моменту: „господамъ“ (такимъ-то) начинаются грамоты, перечисляя въ привѣтствіи и чины и состоянія, къ которымъ адресуются; „и вы бы, господа“...— неизмѣнная форма обращенія авторовъ къ своимъ корреспондентамъ. Въмѣстѣ съ подвигомъ не только поднялось общественное самосознаніе, но и явилось чувство власти. Поручая исполненіе своихъ рѣшеній отдѣльнымъ лицамъ, города или городскіе совѣты даютъ имъ наказы, съ изложеніемъ ихъ обязанностей и съ особой санкціей¹⁾. Такова была атмосфера, въ которой выросло и окрѣпло выборное представительство и которая явилась благопріятнымъ условіемъ для того, чтобы оно изъ узкой сферы городской жизни было перенесено на широкую государственную арену. Одинъ фактъ отмѣчаетъ моментъ завершенія этого процесса: въ грамотахъ начинаетъ встрѣчаться терминъ „вся земля“, какъ выраженіе созрѣвшаго въ націи сознанія политической солидарности: а рядомъ съ нимъ появляется и другой терминъ: „совѣтъ вся земли“, какъ сталъ называться органъ общеземскаго представительства. Впервые послѣдній выступаетъ съ признаками высшаго государственнаго учрежденія въ ополченіи Пожарскаго, своимъ составомъ ясно свидѣтельствуя о перемѣнѣ, происшедшей въ характерѣ Земскаго собора и даже указывая отчасти путь, какимъ выборный элементъ проникъ на соборы. Сличая по подписямъ составъ ярославскаго городского совѣта съ составомъ образовавшагося позднѣе въ Ярославлѣ „совѣта вся земли“, находимъ тамъ и здѣсь, среди простыхъ „желецкихъ людей“, однихъ и тѣхъ же лицъ²⁾. Значитъ, выборный для представительства въ городскомъ совѣтѣ, въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ, продолжалъ свою политическую карьеру уже въ общегосударственномъ учрежденіи, въ качествѣ избранника „земли“. Въ то же время выборное начало нашло еще и другой путь, разъясненный С. О. Платоновымъ. Когда населеніе въ борьбѣ съ врагомъ стало смыкаться въ общій союзъ, то городскіе міры усвоили обычай посылать „для добраго совѣта“ въ другіе города своихъ представителей. Такимъ образомъ, соединеніе въ одномъ всесословномъ „совѣтѣ“ представителей нѣсколькихъ областей образовалось естественно, вслѣдствіе исключительныхъ событій смутной эпохи. А отсюда уже былъ одинъ только шагъ и до „совѣта всей земли“³⁾.

„Совѣтъ всей земли“, въ своемъ полномъ составѣ, былъ живымъ воплощеніемъ того подъема, который спасъ страну въ минуту грозной опасности. Здѣсь лежитъ причина того факта, что и по прекращеніи Смуты, въ теченіе нѣкотораго времени, онъ пользовался чрезвычайнымъ авторитетомъ, иногда становясь рядомъ съ носителемъ верховной власти. Но политической авторитетъ собора не былъ формулированнымъ правомъ, а только фактомъ, и мало

1) „Акты Арх. Эксп.“, т. II, № 181.

2) „Акты Арх. Эксп.“, т. II, № 203.

3) „Къ исторіи Московск. земскихъ соборовъ“, стр. 27—31.

Изъ «Книги объ избраніи на царство Михаила Теодоровича».

«Святія живоначалныя Троицы Сергіева Монастыря, келарь спарець Авраамій Палицынъ въ патриаршихъ полапахъ возвѣсти всему освященному Собору и бояромъ и воеводамъ и всему цар-

скому Сингклицу совѣтъ всенародной о царскомъ избраніи и подаде имъ свитокъ. Они же слышавши благодарша Бога о преславномъ начинаніи».

основаній думать, чтобы въ моментъ вступленія новой династїи была тенденція превратить этотъ фактъ въ право¹⁾). Такимъ образомъ, дальнѣйшая судьба собора зависѣла, съ одной стороны, отъ того, въ какое отношеніе станетъ къ нему правительство, а съ другой,—какъ въ этомъ вопросѣ поведетъ себя общество. Но правительство, уладивъ съ помощью народныхъ представителей наиболѣе тревожныя затрудненія и почувствовавъ себя съ наступленіемъ относительнаго „покоя“ увѣреннѣе, не имѣло побужденій поддерживать политическое значеніе „совѣта земли“. Въ томъ идейномъ запасѣ, какой правительству новой династїи достался по традиціи, народное представительство, въ смыслѣ политической силы, не могло найти опоры; зато тамъ были понятія, сложившіяся на практикѣ земскаго областного самоуправленія, и они послужили правительству готовымъ образцомъ при опредѣленіи его отношеній къ земскому представительству на соборахъ. Давая въ XVI в. земскимъ мірамъ самоуправленіе, правительство по существу перелагало на нихъ часть своихъ обязанностей въ лицѣ ихъ выборныхъ; той же тактики оно начинаетъ держаться и въ отношеніи къ соборному представительству: мѣстные люди должны были заполнить для него пробѣлы въ средствахъ управленія, какіе особенно остро чувствовались въ первой половинѣ XVII вѣка: недостаточную освѣдомленность въ состояніи народнаго хозяйства и слабость финансовой администраціи. Поставленное на этотъ путь, выборное представительство довольно скоро сблизилось, какъ мы видѣли, съ служебнымъ, а въ результатѣ явилась новая организація собора, построенная на одинаковомъ юридическомъ значеніи обоихъ элементовъ. И въ этой формѣ соборное представительство цѣнится правительствомъ постольку, поскольку оно вынуждено пользоваться общественными силами для достиженія административныхъ цѣлей. Отсюда: быстро растущая съ половины XVII вѣка бюрократизація центральнаго и областного управленія должна означать приближеніе конца земскаго собора.

Новое освѣщеніе получить картина постепеннаго упадка земскихъ соборовъ, если отъ правительственной практики подняться въ сферу идей и чувствъ, характеризующихъ настроеніе общества. Здѣсь на первомъ же шагу мы встрѣчаемся съ поразительнымъ фактомъ: общество, которое характеризуется въ отношеніи политическаго развитія, какъ своей главнѣйшей чертой, дѣятельностью земскихъ соборовъ, не оставило никакихъ извѣстій объ этихъ соборахъ, и мы, по всей вѣроятности, ничего не знали бы о судьбѣ земскаго представительства по окончаніи Смуты, еслибы не сохранили память о немъ московскія канцеляріи по долгу службы. Такое наблюденіе заставляетъ предполагать, что въ расцвѣтѣ земскаго представительства мы имѣемъ дѣло скорѣе съ временнымъ эпизодомъ, чѣмъ съ прочнымъ направленіемъ

1) См. С. О. Платоновъ, „Московское правительство при первыхъ Романовыхъ“.

чувствъ и понятій. Былъ подъемъ, созданный исключительнымъ моментомъ, когда политическіе вопросы, къ которымъ русскій человѣкъ привыкъ подходить съ боязливостью, выдвинуты были съ чрезвычайной рѣзкостью и откровенностью. Неожиданно нарушены были всѣ политическія традиціи, и общество, за нѣсколько лѣтъ Смуты, получило запасъ впечатлѣній, который при обычныхъ условіяхъ оно собирало бы долгіе годы. Это, конечно, выбивало изъ колеи, но еще не означало новаго политическаго міровоззрѣнія и не давало надежнаго политическаго воспитанія. Подобныя явленія наблюдаются и въ личной жизни человѣка, когда какая-нибудь катастрофа производитъ рѣзкую перемену въ душевномъ настроеніи: въ этихъ случаяхъ отъ окружающей обстановки часто зависятъ, пуститъ ли новое настроеніе глубокіе корни въ душѣ, или будетъ только слегка окрашивать поведеніе человѣка. Такъ было и съ русскимъ обществомъ XVII вѣка. Изъ Смуты оно вынесло новыя чувства и новыя взгляды, пережило за это время высокій подъемъ національнаго и политическаго самосознанія. Но Смута кончилась; сталъ налаживаться общественный и государственный порядокъ, и тутъ, прежде всего, выяснилось, что соціальная почва для развитія политическаго представительства не тверда. Смута выдвинула средніе классы общества, по преимуществу среднее дворянство, и придавила низшіе. Такой результатъ означалъ усиленное развитіе въ ближайшемъ будущемъ крѣпостническихъ отношеній, и дѣйствительно, какъ только страна оправилась отъ потрясенія, начинается безостановочная работа по закрѣпощенію крестьянства, которая къ половинѣ вѣка дружными усиліями дворянства и правительства и приводится къ благополучному окончанію. Но крѣпостное право, отдавая крестьянина въ распоряженіе помѣщика, въ то же время дѣлало и господина холопомъ передъ властью, которая санкціонировала этотъ порядокъ. Такимъ образомъ, зародышъ политической свободы, который, можетъ-быть, скрывался въ земскомъ представительствѣ, долженъ былъ развиваться въ атмосферѣ, насыщенной рабствомъ. Съ другой стороны, съ прекращеніемъ Смуты замираетъ живое взаимодействіе земскихъ міровъ, такъ расширившее въ смутный періодъ практику выборнаго представительства, и цѣльный потокъ народной жизни снова разбивается на отдѣльные ручейки. Въ результатъ чиновная Москва снова чувствуетъ себя нервомъ политической жизни, и, можетъ-быть, отчасти потому преобладающей формой представительства становится и въ XVII вѣкѣ офиціальный соборъ, къ которому сравнительно рѣдко присоединяются „мірскіе челобитчики“. Все это возвращало русскаго человѣка къ прежней изолированности и пассивности; интересъ къ представительству, вырощенному смутнымъ временемъ, слабѣлъ, и самые выборы становились неприятнымъ и ненужнымъ бременемъ. Приближавшееся царство бюрократіи и абсолютизма ждала подготовленная почва.

А. Заозерскій.